Алла Горсликова
Зерна огня
«КРЫЛОВ»

Алла Анатольевна Гореликова

Зерна огня, или Свидетель деяния

Серия «Корона», книга 3

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=239192
Зерна огня, или Свидетель деяния: М.; 2009
ISBN 978-5-9717-0571-0

Аннотация

Бывает, что одно неосторожное слово меняет судьбу не только твою, но и твоей страны. Кто знает, как повернулась бы история сразу трех сопредельных государств, если бы не в запале брошенная клятва? Но сказанное должно исполниться – и благородная девица Мариана отправляется за море. Однако у ее спутника есть свое поручение во вражеской стране – меч войны занесен над Таргалой, для победы нужно нанести удар там, где его не ждут. А тем временем в самой Таргале набирает силу заговор, и корона готова упасть с головы молодого монарха…

Содержание

О БЕЗРАССУДНЫХ КЛЯТВАХ 4
1. Мишо Серебряная Струна, менестрель 4
2. Мариана, девица из благородной семьи 8
3. Сэр Бартоломью, королевский рыцарь 12
4. Мариана, девица из благородной семьи 13
СБОРЫ-ПРОВОДЫ 14
1. Сэр Бартоломью, королевский рыцарь 14
2. Мариана, девица из благородной семьи 16
3. Сэр Бартоломью, королевский рыцарь 17
4. Подземелье, шесть дней тому назад 20
ТРИ ПОСОЛЬСТВА 25
1. Луи, король Таргалы 25
2. К вопросу о невестах 27
3. Утро короля 30
4. Граф Готье Унгери, капитан тайной службы Таргалы 36
5. Князь Виталий, посланник короля Егория в Корварене 40
КОРВАРЕНСКИЙ ТРАКТ 42
1. Сэр Бартоломью, королевский рыцарь 42
2. Утренняя разминка 48
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Алла Гореликова
Зерна огня, или Свидетель деяния

О БЕЗРАССУДНЫХ КЛЯТВАХ

1. Мишо Серебряная Струна, менестрель

Под вечер народу в трактир набилось под завязку.

И то: самый въезд в Себасту Приморскую, у ворот на Корваренский тракт – место со всех сторон удачное. Что стражникам отбежать от поста у ворот ради кружки-другой эля, что отъезжающим остановиться ради последней, «дорожной» чарочки, а то приезжим свернуть в гостеприимно распахнутую дверь да порадоваться окончанию долгого пути. К тому же именно за воротами на Корваренский тракт чадит и грохочет слободка кузнечной гильдии, а кузнецы, понятное дело, не дураки и поесть и выпить. Ну а если принять во внимание, что при таком расположении трактира хозяин его первым снимает с приезжих самую вкусную пенку – новостей, слухов и сплетен, – то ясно, почему ходят сюда не только ради доброй выпивки и, соответственно, не только те, кому негде получить оную выпивку ближе к дому.

Добавим, что буквы на вывеске трактира при некотором усилии читающего складываются в слова «Колесо и бутылка», но себастийцы, как и те из приезжих, что бывали в Себасте ранее, называют это славное местечко просто и без затей: «У Огюстена».

Сегодня трактир мастера Огюстена приютил компанию столичных гвардейцев, четверых столичных же купцов, молодого аристократа не то из Дельцы, не то вовсе из-под Вороньего Перевала, и бродячего заклинателя. Если же учесть, что в обеденной зале, как всегда, толклись сменившиеся с дежурства стражники, парочка местных шалопаев с развеселыми подружками, томимые нешуточной жаждой мастера кузнечной гильдии, карточный шулер Олли-Везунчик и вечно пьяный менестрель Мишо Серебряная Струна… В общем, ничего удивительного нет в том, что яблоку упасть было негде. Зато находилось место для бесчисленных кувшинов, бутылей и бочонков, содержащих в себе все разнообразие радующих душу напитков.

А если учесть и то, что у мастера Огюстена к напиткам подавалась весьма достойная закуска, то станет ясно, почему и трактирщик, и три его служанки сбивались с ног, но все равно не поспевали за заказами господ посетителей.

Поэтому, когда Серебряная Струна потребовал очередную порцию своего излюбленного вина «Знойная клубничка» – того самого сорта, что в торговых бумагах называется «Имперское красно-розовое», а торговцы меж собой называют «Ханджарская ягодка», хозяин заведения возмутился. Причем возмутился громко, явно в расчете на поддержку всего доброго люда.

– И эта пьянь называет себя менестрелем! – так сказал мастер Огюстен, чем и привлек к Мишо первые любопытные взоры. – Разве мы услышали от тебя хоть что-то интересное? Хоть одну разнесчастную балладу? Хоть какую завалящую историю, раз уж ты слишком пьян для баллад?! «Серебряная Струна»! «Пустая Бочка», вот как должен бы ты представляться честной публике! Тогда мы и не ждали бы от тебя ничего, кроме твоего «Вина мне!», и я пригласил бы кого другого для увеселения достоуважаемых господ, почтивших меня своим присутствием! Да хотя бы Никласа-сморчка!

– Кого?! – возмущенный рев Мишо довершил начатое: общее внимание к разговору было обеспечено. – Да он двух слов связать не может, твой Никлас! А когда поет, у порядочных людей уши в трубочку сворачиваются!

– Зато он поет, а не вином накачивается, как некоторые, – трактирщик бил, что называется, не в бровь, а в глаз. – Конечно, ты мог бы развлечь нас куда лучше Никласа, но что поделать…

– В самом деле, – подмигнув хитрецу-трактирщику, в разговор вмешался Везунчик. – Последняя история, которую мы от тебя слыхали, о старшем помощнике с «Ветреной Дамы», уже надоела всей Себасте. Расскажи нам что-нибудь посвежее, Серебряная Струна!

– Расскажи про туманную деву, Мишо, – подала голос подружка кого-то из шалопаев.

– Вот еще, – поднял взгляд от кружки кузнец Джош (не тот Джош, что с рынка, а тот, который прошлой зимой по пьяной лавочке сверзился с причала на лед и сломал ногу). – Бабьи бредни ваша туманная дева. А вот мой мальчишка давеча видел, как Серебряная Струна выходил из казармы «Волков». Как поживает сэр Тим, расскажешь нам, Мишо?

Толстые губы менестреля расплылись в довольной улыбке. Куда больше баллад и легенд любил он делиться новостями, услышанными от капитана «Волков побережья»; и, конечно, мастер Огюстен, и Джош, и пересевшие поближе стражники прекрасно это знали! Уж коли что и пользовалось у слушателей неизменным успехом, так это рассказы о королевских рыцарях.

– Сэр Тимоти оправился от раны, – преисполненным важности голосом сообщил Мишо. – И он рассказал мне, куда подевался сэр Бартоломью.

– И ты молчишь?! – возмутился трактирщик. – Ты втихаря накачиваешься вином, когда мог бы раскрыть нам секрет, вот уж почти месяц не дающий покоя всей Себасте?! Да я тебя на порог больше не пущу, раз ты способен на эдакое гнусное умолчание!

– Пустишь, мастер Огюстен, куда ты денешься, – уверенно возразил менестрель. – Потому что как раз сейчас я поведаю вам, что же произошло с бедным сэром Барти. Только налей мне все-таки вина!

– Нет, это нам налей вина, – окликнул мастера Огюстена приезжий гвардеец. – А ему выплесни ведро воды на голову! Иначе он заснет раньше, чем расскажет нам про сэра Бартоломью!

– Рассказывай, Серебряная Струна, – подытожил трактирщик. – Я угощу тебя, когда закончишь; но только если господа посетители сочтут, что история заслуживает награды.

Мишо Серебряная Струна измерил тоскливым взглядом глубину пустой кружки и, вздохнув, начал:

– Не мне объяснять благородным господам, как Орден святого Карела принимает к себе новичков. Однако напомню, что любой, в чьих жилах течет благородная кровь, может прийти к капитану рыцарского отряда и попросить испытания, и отказывать ему в том не должно. И все же месяц назад «Волки побережья» отказали в испытании соискателю благородной крови, и отказали не слишком-то вежливо.

– Что ты врешь! – голос Джоша едва перекрыл поднявшийся в зале возмущенный гомон – возмущенный, впрочем, не нарушением рыцарского кодекса, о коем заявил Мишо, а самим заявлением, не лезущим ни в какие рамки. Чтобы королевские рыцари…

– Ну и не буду дальше рассказывать, если слушать не желаете, – нарочито тихо заявил менестрель. – И не узнаете, что была для отказа причина, да еще какая.

– А хоть бы и была! – Заезжий аристократ пересел за столик рассказчика, причем пересел с грохотом, опрокинув по пути два табурета и чуть не въехав носом в пышную грудь спешащей мимо служанки. – Как можешь ты, всего лишь менестрель, оценивать степень вежливости королевских рыцарей по отношению к благородному человеку? Тем более тебя, полагаю, там не было?

– Именно потому, что меня там не было, я и повторил слова сэра Тимоти, – степенно ответил Мишо. – И все, что я знаю об этом деле, знаю я с его слов. Впрочем, добавлю, что ныне сэр Тим сожалеет о тогдашней своей резкости. Поскольку невольно послужил причиной опрометчивой клятвы, и опасается, что клятва эта может стоить двух благородных жизней. Так мне рассказывать?

Довольно скоро в «Колесе и бутылке» установилась согласная тишина, и менестрель продолжил.

– В казарму «Волков» пришла однажды девушка, – интригующим полушепотом сообщил Мишо. – Дело было, как я уже сказал, месяц назад, вскоре после обедни. Девушка эта…

– Громче! – потребовал стражник от дальнего столика. – Говорить разучился, Серебряный? Ботало в пасти не ворочается?

– Что б ты понимал, солдафон, – пробурчал себе под нос Мишо. Но продолжил громко и внятно: – Девушка эта совсем молода и благородной крови, и больше мне ничего не известно о ней. Только имя – Мариана. И то, что одета была она в мужской охотничий костюм, а у бедра ее наличествовала шпага, сделавшая бы честь любому рыцарю. Благородная Мариана застала отряд в сборе; сэр Тимоти сказал мне, что иначе, возможно, все повернулось бы по-другому. Но благородная гостья высказала свою просьбу при всем отряде.

– Ой, Мишо, только не говори, что она попросилась в рыцари, – захихикала та самая девица, что просила рассказать о туманной деве.

– Однако именно это она и сделала, – кивнул Мишо. – Попросила принять ее в отряд, заявив, что не уступит в доблести и умении никому из присутствующих. А когда «Волки» отказали ей в испытании, и ни один из них не пожелал скрестить шпагу с девицей, благородная Мариана поклялась, что найдет способ доказать… в общем, доказать! Я прошу прощения у почтенной и благородной публики, но на этом месте сэр Тимоти утерял связность речи, а только скрипел зубами и поминал Нечистого. Однако я понял так, что благородная Мариана собралась не позднее чем по истечении года свершить деяние такое, какого не свершал доселе ни один из прославленных доблестью рыцарей. И поклялась страшной клятвой – спасением души своей!

Мишо сделал паузу, давая слушателям охнуть. Слушатели охнули. Николь, молоденькая служанка, сердобольно всхлипнула. Олли-Везунчик украдкой обнял ее за талию.

– Сэр Эдгар попытался было отговорить благородную Мариану давать столь жестокую клятву. Но вы же знаете сэра Эдгара!

– Да уж, – хмыкнул кто-то в толпе. По трактиру пробежал нервный смешок.

– Желчность сэра Эдгара только усугубила обиду девушки, – продолжил Мишо. – И вот тогда встал сэр Бартоломью и сказал, что клятвой благородной девицы не вправе пренебречь люди, сами же и вынудившие ее к необдуманным, запальчивым словам. И вызвался послужить свидетелем для благородной Марианы.

– И ты еще назвал его бедным, – ухмыльнулся тот гвардеец, что предлагал протрезвить менестреля ведром воды.

– Еще бы! – Мишо значительно поднял палец – жест, подсмотренный летом у святых отцов. – Потому что благородная Мариана сочла это еще одним проявлением недоверия и только пуще оскорбилась. И, когда они выезжали вдвоем из казарм, благородная Мариана смотрела на сэра Барти с презрением, а уж он точно этого не заслужил. И вот теперь сэр Тимоти волнуется за сэра Бартоломью, но пуще того – за девицу, что возомнила себя, не иначе, героиней древних баллад. Потому что наш аббат сказал сэру капитану, что за душу несчастной с того вполне может спроситься в Свете Господнем, раз он допустил эту клятву.

Тут Николь жалостливо шмыгнула носом, остальные заспорили, загалдели… в общем, повествование Серебряной Струны зацепило почтенную публику за душу, а значит, угощение он заработал. Довольный трактирщик поставил перед менестрелем пузатую бутыль

«Клубнички» и засуетился, обнося господ посетителей выпивкой взамен выцеженной под рассказ Мишо. А Джош почесал в затылке и пробурчал:

– Ну, когда-то ж они вернутся… не такой сэр Барти человек, чтобы не спасти эту глупышку. Вот только кажется мне, что подробностей мы не узнаем.

– Это что ж ты хочешь этим сказать?! – возмутился заезжий аристократ; под рассказ он успел опустошить две бутыли благородного старого вина и оттого, видно, утерял изысканность речи.

– Да ничего такого, благородный господин, – неловко развел руками Джош. – Просто сэр Бартоломью не такой уж любитель хвастать своими подвигами. Вот разве эта девушка, Мариана, окажется такой же болтушкой, как любая девчонка?

– Не думаю, – выцедил аристократ.

– Вот и я не думаю. – Джош почесал в затылке. – Благородные девушки, говорят, все скромницы. Вот и получается, что никто не узнает, что там с ними случится до конца года – кроме того, конечно, как именно будет исполнена клятва.

– Это еще если вернутся, – всхлипнула Николь.

– А ты не реви! – Джош погладил служанку по плечу и осторожно вытер ей слезы шершавыми пальцами. – Не реви. Не такой сэр Барти, чтобы ее не спасти.

– За сэра Барти! – воскликнул гвардеец, поднимая кружку. – За славный поход и возвращение с победой! Эй, хозяин, еще вина! Мы пьем за благородного сэра Бартоломью!

– Сию минуту, господа, сию минуту! – И довольный мастер Огюстен послал слугу за новым бочонком.

2. Мариана, девица из благородной семьи

Как и поведал посетителям мастера Огюстена менестрель Серебряная Струна, девушка подъехала к казармам себастийского отряда королевских рыцарей вскоре после обедни. Мишо не обманул слушателей и в том, что на оной девице был мужской охотничий костюм (изрядно, добавим, потрепанный), а у бедра ее наличествовала добрая шпага – тоже, впрочем, не новая.

Жест, которым девушка придержала шпагу, покидая седло, явно был для нее привычным. На первый взгляд хрупкая, но явно подвижная и ловкая, гостья себастийского отряда напоминала молодую кошку – зверя не сказать, чтоб из опасных, но при надобности очень даже способного дать отпор куда более сильному врагу.

Простим менестрелю недоговоренное – девушка была красива. Лет около шестнадцати, а то и поменьше, с ярким румянцем, живыми серыми глазами и пушистой, слегка растрепанной косой цвета спелой пшеницы – редкая на юге масть. Впрочем, сэр Тимоти, со слов которого вел рассказ томимый жаждою Мишо, навряд ли в должной степени оценил красоту посетительницы: далеко не каждый мужчина способен составить справедливое мнение о девице, бесстыдно напялившей вместо подобающего платья мужскую одежду.

Впрочем, мы отвлеклись.

Желтовато-белая кобыла потянулась за хозяйкой, толкнула мягкой мордой, прихватила чуткими губами за перевязь.

– Не шали, Пенка, – отмахнулась девушка. – Вот надоеда.

Подбежал рябой мальчишка-конюх, перехватил уздечку:

– Я позабочусь о ней, госпожа. Что за красавица!

«Красавица» возмущенно фыркнула и клацнула зубами у самого конюхова уха. Мальчишка отдернул лохматую голову.

– Она своенравная, – предупредила девушка. – Не балуй, Пенка!

– Пенка? – переспросил мальчишка.

– Ага. – Девушка сдавленно хихикнула. – Вообще-то ее назвали Лунная Пена. Но это, по-моему, еще смешнее. Да и длинно слишком.

– А что, ей подходит. – Мальчишка погладил кобылу по шее, хлопнул ладонью по холке. – Пойдем, Пенка, угощу тебя сеном.

Пенка укоризненно выдохнула хозяйке в лицо и покладисто пошла за конюхом.

Девушка со странной растерянностью смотрела вслед, пока Пенка вслед за мальчишкой не свернула во внутренний двор. Потом перевела взгляд на массивную дубовую дверь орденских казарм. Сторонний наблюдатель мог бы подумать, что она набирается храбрости. Впрочем, перед казармами «Волков побережья», вопреки обыкновению, не болталось ни одного праздного зеваки: предгрозовая духота располагает к прохладе трактирного зала и холодному элю, а не к шатанию по жарким улицам. И никто не мог оценить по достоинству выражение лица посетительницы в тот миг, когда она решительно выдохнула сквозь зубы и толкнула дверь.

Как сказал сэр Тимоти, а вслед за ним и Серебряная Струна, все могло обернуться подругому. Обычно – и девушка это знала так же твердо, как любой житель королевства – в приемной зале ждет посетителей дежурный рыцарь. Он же, по большей части, и решает дела: принимает заказы, дары, просьбы и жалобы, перенаправляет нуждающихся в помощи, в зависимости от важности их дел, к свободным рыцарям или к самому капитану отряда. Девушка рассчитывала просить о встрече с капитаном. По правде говоря, она слабо представляла, что и как будет объяснять сэру Тимоти, который наверняка сочтет ее просьбу либо

дуростью, либо наглостью. Однако, приняв решение, она намеревалась исполнить его, чего бы это ни стоило.

Но приемная зала оказалась пуста.

То есть не то чтобы совсем уж пуста. Наличествовал здесь огромный дубовый стол; несколько кресел – и столу под стать, и поменьше; гномьи светильники на стенах; мягкая подушка на одном из кресел; огромное зеркало на дальней от входа стене. Вот только дежурного рыцаря не наблюдалось ни за столом, ни в кресле, ни у окна… нигде.

Звонко цокая по мраморному полу серебряной оковкой каблуков, девушка пересекла залу и остановилась перед зеркалом. Придирчиво хмыкнув, поправила перевязь – с расчетом, чтобы широкий ремень прикрыл штопку на боку камзола. Заправила за ухо выбившуюся из косы светлую прядь. И хмуро вопросила у затянутого серебристой дымкой отражения:

– Ну и где все?

Отражение не успело ответить: зеркало плавно, беззвучно, неторопливо поехало в сторону.

Гномьи заморочки, зло подумала девушка. Могла бы и догадаться. А теперь – изволь! Спросила, где все? Получи всех.

За зеркалом открылась огромная трапезная зала, и в зале той пировали «Волки побережья» в полном составе. Сидели за длинным столом по старшинству, как сиживали, бывало, друзья отца в ее родном замке. Пластали кинжалами мясо, пили кроваво-темное вино из драгоценных стеклянных кубков, и витал над столом сытный дух, от коего девушка невольно сглотнула, – а капитан отряда, сидевший к гномьему зеркалу лицом, уже поднимался, учтиво приветствуя гостью.

Тем временем гостья мысленно кляла гномьи заморочки и собственный непутевый язык. Она не собиралась говорить со всеми! Она готовилась к разговору с капитаном и никак не ожидала, что разговор произойдет в трапезной. При всем отряде, да под вино!

Однако деваться некуда. Напоровшись на весь отряд, просить капитана о разговоре наедине? Будь ее дело из разряда деликатных или тайных, подобное было бы понятно. Но не всякую просьбу прилично говорить шепотом. Капитан может оскорбиться, да и другие, узнав, не простят.

– Кто ты, прекрасная девица? – спросил меж тем капитан. – Какая забота привела тебя к дверям Ордена? Окажешь ли рыцарям честь разделить с ними скромную трапезу?

Девушка сглотнула вставший в горле ком и ответила – признаться, не слишком твердым голосом:

– Звать меня Мариана, и я дочь благородных предков. Сюда пришла я с тем, дабы просить, согласно обычаю, испытания доблести моей. Сэр капитан, я хочу стать рыцарем твоего отряда.

Тишину, встретившую ее слова, Мариана сравнила бы разве с той, что дрожит в груди после близкого-близкого раската грома. Ей стало страшно. Но заветные слова были сказаны вслух, и оставалось только ждать ответа.

Кто-то за столом тихо выругался. Кто-то громко, издевательски захохотал. Кто-то приказал захохотавшему: «Заткнись!», чувствительно пихнув его локтем – так, что вино выплеснулось на белую скатерть.

Мариана не видела толком, кто. И слышала как-то очень издалека. Она смотрела на капитана, видела недовольство на его лице и готовилась отстаивать свое желание.

– Не знаю, как и сказать, благородная Мариана, – медленно выговорил капитан. – Видно, времена наши идут к концу, раз девицы не сидят под крылом родительским, а шатаются по казармам в мужской одёже. Ступай домой, благородная Мариана, я пошлю рыцаря сопроводить тебя.

– Я не уступлю ни одному из твоих рыцарей ни в доблести, ни в умении, – выдохнула Мариана. – И я знаю устав Ордена! Нигде там не сказано, что девица не может стать рыцарем!

– Я тоже знаю устав Ордена. – Сэр Тимоти покраснел, пышные усы встопорщились. – Там не сказано и того, что рыцарем не может стать гном, или монах, или вовсе сопливый младенец. Однако нет среди нас ни монахов, ни сопливых младенцев, ни гномов. Не будет и девиц! Я сам провожу тебя домой, благородная Мариана. И поговорю с твоим отцом. Если ты сбежала от немилого замужества, как случается с вашей сестрой, я обещаю уладить дело. А коль ты и впрямь вознамерилась переделать себя в мужчину, так это исправит хорошая порка!

Право же, если и существовали слова, способные лучше этих вышибить из Марианы страх, то их пришлось бы искать долго и усердно.

– Я слышала, – запальчиво ответила девушка, – что никому, в чьих жилах течет благородная кровь, не вправе вы отказывать в испытании.

– Однако тебе я отказываю! – Сэр Тимоти грохнул кулаком по столу. – Не женское дело!

– Тогда победите меня на шпагах, – зло прищурилась Мариана. – Вы, сэр капитан, или же любой из ваших рыцарей.

– Вот так? – насмешливо вопросил сэр Тимоти. – Парни, все слышали?

– Сейчас, разбежались! – отозвался сэр Дик. – Махаться шпагами с девчонкой!

– Потом от сраму не отмоешься, – поддержал сэр Джон.

– Обнажать шпагу пристало в защиту девиц, но никак не в нападение, – назидательно пробормотал сэр Грегори. – А кто помсеет… по-ссс-меет!.. кто посмеет утвер-ждать д… ик… другое… тот не рыцарь! – и замотал головой, напомнив девушке крестьянского осла, сгоняющего мух с морды.

– Сами видите, благородная Мариана, – подытожил сэр Тимоти, – никто из моих рыцарей не поднимет оружия на даму. Тем более на девицу! Не обессудьте.

Слова капитана звенели торжествующей сталью. Говорить было не о чем. Но и отступать было некуда. Побледневшая Мариана отчеканила:

– Так знайте же, отважнейшие! Раз уж никто из вас не чувствует себя достаточно сильным, чтобы принять мой вызов, я иначе докажу свою доблесть! Я отправляюсь в странствие и, клянусь спасением души моей, найду способ свершить деяние, какого не свершал доселе ни один мужчина, будь он даже славнейшим из славных! И не далее чем через год вы узнаете о деянии моем и припомните этот разговор, и вам придется признать мою доблесть и просить прощения за нынешний прием.

– Удачи тебе, отважнейшая из пустозвонок, – буркнул сэр Гай. – А я поставлю к концу года свечку в нашей часовне во спасение твоей души.

– Сэр Гай, перед нами все-таки юная дама, – одернул записного грубияна сэр Эдгар. – Кто знает, быть может, благородная Мариана не слишком подвержена женским порокам и не соврет в столь щепетильном предмете, как исполнение клятвы? Возможно даже, что она способна вовремя одуматься? А наш аббат достаточно просветлен, чтобы отмолить ее юную душу.

– Хороша же ваша честь, – процедила сквозь зубы Мариана. – Оскорбления под видом сочувствия, унижение вместо уважения! Ры-ыцари! Вы заранее обвиняете меня во лжи, лишь бы не пришлось потом признать свою неправоту! Да вы – просто сборище трусов! А я-то верила всему, что болтают о ваших подвигах… вот уж достойный подвиг – всем отрядом насмехаться над девчонкой!

– Довольно! – Над столом во весь свой рост (не слишком, впрочем, большой) воздвигся сэр Бартоломью. – Доблестные сэры, благородная Мариана права в своей обиде. Писаного запрета нет, а традиции… что ж, рано или поздно любая традиция бывает нарушена. Пусть

это явный недосмотр, но девица вправе претендовать на звание рыцаря и место в отряде, и мы не должны были отказывать ей в испытании.

– Что же ты не принял ее вызов, Барти? – ехидно вопросил сэр Дик.

– Ты продолжишь за меня? – Барти резко развернулся и ожег друга гневным взглядом.

– Нет, что вы, досточтимый сэр, продолжайте! – Дик, привстав, изобразил издевательски-вежливый придворный поклон.

– Благодарю вас, досточтимый сэр! – ядовито ответствовал Барти. Традиционная перепалка с Диком в этот раз случилась явно не ко времени. – Благородная Мариана принесла страшную клятву, и я боюсь, что в том наша вина. Мы не можем отвергнуть эту клятву, как отвергли ее вызов. А коль встал вопрос о доверии, я считаю… – Барти запнулся и махнул рукой. – А, прах меня побери, какая разница, что я считаю! Мариана, я готов быть твоим свидетелем.

– То есть? – Зачем бывает нужен свидетель, если речь не о свадьбе и не о суде, Мариана не слыхивала. Уж если признаться честно, тот самый устав, на который девушка так нахально сослалась в споре с капитаном, читала она лишь раз, в расстроенных чувствах и, что хуже, в изрядной спешке, а посему многое могла упустить, посчитав не слишком важным.

Сэр Тимоти вздохнул и объявил:

– Сэр Бартоломью отправится в странствие вместе с благородной Марианой и засвидетельствует перед нами и пред Господом ее деяние, буде оно свершится.

– Ах, вот оно что, – прошептала Мариана. – Ну и ладно! Пусть едет! Пусть, раз вы столь мелочны, что не верите чужой чести! Только пусть не пытается командовать.

– Что ты, благородная Мариана! – Барти учтиво поклонился. – Это твое странствие и твое деяние. Я – всего только свидетель. Глаза и уши, не более того. Когда выезжаем? Завтра на рассвете?

– Сегодня на закате, – буркнула Мариана. – Даже чуть раньше, к вечерне.

– Ты собираешься в путь… – Сэр Барти осекся, в последний миг удержав скакнувшее на язык непристойное словцо. Выдавил, с некоторым трудом найдя вежливую замену: – Хм, на ночь глядя?

– Вот именно, собираюсь. Будете спорить, благородный сэр?

Рыцарь пожал плечами, ответил, тщательно подбирая слова:

– Поспорил бы. Напомнил бы, что для тебя здесь найдется комната. Но решаешь ты.

– Вот и помните об этом, сэр Бартоломью! – яд в голосе девушки сменился откровенной обидой. – Я отправлюсь, когда зазвонят к вечерне. И не стану ждать ни одной лишней минуты.

Благородная Мариана развернулась, скрежетнув сапогами по полу, и вышла прочь. Будь в трапезной нормальная дверь, а не гномьи выдумки, – так бы хлопнула! Светильники бы со стен посыпались!

3. Сэр Бартоломью, королевский рыцарь

Несколько мгновений в трапезной стояла тишина. Но вскоре рыцари загалдели не хуже торговок в базарный день. И то – всякие случаются претенденты на место в отряд, но такого…

Сэр Кристофер хлопнул сэра Бартоломью по плечу:

– Не гонись за красоткою, а хватай кроткую! Ты влез в изрядное болото, Барти. Да еще и свидетель! Нечистый меня задери, я тебе не завидую.

– Да, с этакой штучкой ничего тебе не светит, – усмехнулся сэр Мишо. – Разве что неприятности.

– Что ты несешь?! – вылив в себя добрую пинту наливки и икнув, заорал сэр Себастьен. – Да разве наш Барти не приручит эту дикарку!

– Заткнись, пьянь, – поморщился сэр Бартоломью.

– Чего?! Это – ты – мне?! – дородный Себастьен приподнялся – и рухнул обратно на табурет.

– Тебе, Себастьен. Сначала просохни, потом выступай. Иначе дело кончится тем, что на твое место придется искать кого другого.

– Мариану, – ввернул Дик. В трапезной громыхнул смех.

– Ладно, – вздохнул Барти. – Будем считать, что должные напутствия я получил, можно идти собираться. Сами слышали, времени у меня в обрез. Счастливо оставаться, чертяки.

– Постарайся отговорить ее, Барт, – у самых дверей догнал рыцаря голос капитана. – Незачем юной девице лезть в мужские дела.

– Попробую, – ответил добровольный свидетель. – Только, чует мое сердце, не выйдет. Очень уж девчонка обиделась.

«Вы обидели, а мне расхлебывать», – мог сказать Барти. Но не сказал. И так все поняли, чего говорить.

– Заедет нечаянно в крепкий переплет и скуксится, – пробормотал сэр Гай. – Вот тут-то и отговоришь.

– Да если и не отговорю, – пожал плечами Барти. – Все лучше, чем гадать потом, что с ней сталось. Дик, одолжишь «дымчатую кошку»?

– Пойдем, – кивнул Дик. – Может, и еще что интересное найдется. Кстати, надо бы подыскать нож для девчонки. Шпага у нее хороша, но ведь одной шпагой не обойдется. И дорожные амулеты: навряд ли у нее весь набор. Ох, Барти, чую – намаешься…

4. Мариана, девица из благородной семьи

Когда Дик и Барти выходили из трапезной, Мариана стояла в конюшне, в отведенном ее кобыле деннике, и плакала, уткнувшись лицом в Пенкину гриву. Она сама не знала, с чего вдруг прыгнула на язык дурацкая клятва – разве что от беспросветного отчаяния. Ну что ж, говорила она себе между горькими, совсем детскими всхлипами, деваться все равно некуда, и странствия – не худший выход. Мальчишка-конюх, сунувшись обиходить животину и углядев благородную гостью в столь явной печали, деликатно утёк подальше. А кобыла флегматично дергала клеверное сено из высокой решетчатой кормушки и встряхивала головой, когда хозяйка особенно громко шмыгала носом.

СБОРЫ-ПРОВОДЫ

1. Сэр Бартоломью, королевский рыцарь

На год странствий не напасешься ни провизии, ни снаряжения, ни даже денег. Поэтому сэр Барти отбирал лишь самое нужное. Необходимое в дороге, а пуще того – в драке или в беде. Неторопливо и тщательно – оружие, амулеты, лекарства, дорожное снаряжение…

Вошел Дик, вывалил на стол пригоршню амулетов. Помявшись, пристроил рядом пузатый кошелек. Спросил, не оставляя времени ни на отказ, ни на благодарности:

– Из оружейки надо что?

– Серебряные болты, – мысленно перебрав собственные запасы, ответил Барти. – И, пожалуй, по дюжине сигнальных и зажигательных.

На дно мешка легла бухта тонкой веревки, сверху – непромокаемый футляр со снадобьями на острые случаи: зелья в плотно укупоренных склянках, травы и порошки в полотняных мешочках, все проверенное орденским лекарем и городским заклинателем, благословленное светлыми отцами. Дай-то Господь, чтоб не пришлось воспользоваться… Одежда в запас, кошелек Дика, наговоренные болты – простые и посеребрённые. Плащ и одеяло пойдут отдельным тороком. Еда? Разве что немного сухарей на крайний случай: в это время года раздобыть провиант в дороге проще, чем тащить с собой. А вот овса набрать надо; впрочем, это уж забота конюха.

Когда Дик принес запас болтов, Барти задумчиво разглядывал два плотно набитых чересседельных мешка. Вздохнул:

– Не то я постарел, не то жирком подернулся – сколько уж дальше Корварены не ездил? А тут – невесть куда, да с такой спутницей. Никак мысли не соберу.

– Главное, не забудь, что можешь вызвать помощь, – с непривычной серьезностью напомнил сэр Дик. – Чует мое сердце: эта сумасбродка рано или поздно влипнет так, что сам не вытащишь. Хотел бы я знать, чего ей дома не сиделось!

Барти перекинул мешки через плечо, подхватил туго скатанный торок:

– Пора… ну, Дик, бывай!

– Удачи.

На серьезные дела провожать не принято: дурная примета. Пока Барти сбегал вниз по лестнице, Дик стоял, прислонясь к косяку. И лишь дождавшись хлопка двери, медленно спустился следом. Его очередь заступать на дежурство. Жаль. Дик предпочел бы напиться.

Между тем Барти выкинул из головы и неудачный разговор с девчонкой, и не слишком веселые проводы. Что прошло, того не изменишь, пришла пора думать о будущем. А будущее представлялось рыцарю отнюдь не безоблачным.

Беспокоило полное незнание планов Марианы. А пуще того – ее снаряжения. Обидно будет, если у девицы не окажется с собой чего-то необходимого.

И скребло назойливое ощущение – что-то забыл.

Пока седлал Храпа, еще раз перебрал в уме содержимое мешков и тороков – вроде всё по местам и даже с излишком. Видно, долгий путь с неизвестностью вместо цели так спутал мысли.

Мариана ждала поодаль, словно намекая: поторопись. Барти окинул девушку и ее лошадку оценивающим взглядом – и сквозь зубы помянул Нечистого. Кобыла, конечно, хороша: сухощавая, изящная, наверняка нервная, таких разводят на южном побережье, в них заметна примесь благородных ханджарских кровей. Южаки великолепны для прогулок, состязаний, для боя, наконец. Но оскорблять такую поклажей?! В долгий путь куда разум-

нее отправляться на чистокровном таргальском коне, пусть не таком красивом, зато выносливом. А впрочем, у девчонки лишь две полупустые сумы да плащ у седла свернут. И плащ-то кобыле под стать: нарядный, из дорогого сукна, но вряд ли способный укрыть от дождя и холодного ветра.

Да уж, так собравшись, только на подвиги и отправляться!

Девушка заметила интерес спутника, сердито вздернула подбородок и развернула Пенку. «Нечего пялиться!» – внятно сказали нежеланному спутнику ее напряженная спина и развернутые до предела плечи. Ну что ж. После поговорим.

По себастийским улочкам разумней ехать след в след. Цокают по брусчатке копыта, плывут назад белые стены домов, забранные ставнями от непогоды окна, островерхие черепичные крыши. Ветер толкает в спину, и обгоняют неторопливого всадника сорванные с лип и тополей листья… Барти отпустил Мариану вперед, задумался: откуда же нехорошее чувство? Да, девица не готова к путешествию, ну так что ж? Впервой ли? Или всему виной хмурые предштормовые сумерки? Словно и небо рассердилось на глупую девчонку. И колокола… Старая себастийская традиция: когда надвигается шторм – время помолиться о тех, кто в пути, о плавающих и путешествующих. Разрывая в клочья шум листвы и гул прибоя, плывет над Себастой звон колоколов, и кажется – они плачут. Не по ним ли с Марианой?

2. Мариана, девица из благородной семьи

Мариане тоже казалось, что колокола плачут этим вечером. Колокола, чудо Себасты Приморской! Плачут вместе с нею, Марианой, дочерью рыцаря, внучкой полкового знаменосца, правнучкой военного коменданта Южной Миссии… благородные предки простят, они видят сверху, из Света Господнего: не из придури пришла их наследница проситься в себастийский отряд… плачут, потому что утешить ее никому не по силам. Но разделенный плач – уже благо. И черное отчаяние, камнем лежавшее на душе после разговора с надменными рыцарями, уходило. Таяло. Сменялось самой обыкновенной грустью.

По крайней мере, ей не в чем себя упрекнуть. Она нашла в себе мужество сделать единственное, что могло спасти ее! А неудача – не то, чего можно стыдиться. Постыдно лишь бездействие.

Стыдно сдаться. А она погибнет, сражаясь, как и подобает дочери благородных предков. Мариана зло прикусила губу: дочери благородных предков не пристало хныкать и жалеть себя. Слишком она разнюнилась из-за зубоскалистых «шавок». Это даже хорошо, что с ней сэр Бартоломью. Он не соврет, не посмеет соврать! Он подтвердит перед рыцарями ее деяние – или расскажет, как она погибла. В любом случае она не услышит больше тявканья этих «вымоченных прибоем волков». Они не посмеют тявкать.

Смолкли колокола, и Себасту окутала умиротворенная тишина. Время для отдыха. Время для вечерних посиделок с разговорами под орешки и тыквенные семечки, для захватывающих историй, от которых ледяные мурашки бегут по спине… совсем не для того, чтобы отправляться куда глаза глядят на поиски этих самых историй. Ничего… Мариана гордо вздернула подбородок и поторопила Пенку. Ничего. Еще посмотрим, за кем останется последнее слово.

3. Сэр Бартоломью, королевский рыцарь

Сэр Барти не замечал терзаний Марианы. Ему хватало собственных. Рыцарь вглядывался в размытые ранним сумраком улочки Себасты. Ловил взгляды прохожих. Махал рукой в ответ на дружеские оклики. И злился на себя. На неотступную мыслишку: «Увижу ли?»

Неподходящее настроение для дальней опасной дороги.

Он почти обрадовался, когда плавное течение улицы вынесло их к Восточным воротам, и сержант Сэмивэл, отмахнув стражникам, чтоб погодили закрывать, спросил:

– Надолго отчаливаешь, Барт?

– Состариться не успеешь, Сэмми, – привычно откликнулся рыцарь.

Любимая шутка на этот раз оставила на языке горький привкус.

– Через пару недель жду прибавления в семействе, – Сэмивэл пригладил усы, хитро подмигнул. – Постарайся успеть, Барт.

– Не успею. – Мариана и не подумала придержать свою кобылу: похоже, намекает, что ждать попутчика не обязана. Рыцарь кинул сердитый взгляд вослед своенравной девице и вновь обратился к сержанту: – По чести говоря, Сэмми, к моему возвращению ты вполне можешь подгадать еще одного сына. Но уж тогда, клянусь всеми репьями из хвоста Нечистого, мы сможем выпить за двоих сразу!

– Удачи, раз так, – враз посерьезнев, ответил Сэмивэл.

– Спасибо, Сэмми. Удача понадобится. – Барти тронул Храпа коленями. – Догоняй, что ли.

Умница гнедой полетел вслед Пенке и, нагнав, сердито укусил ее за круп. Кобыла зло прижала уши, всадница окоротила:

– Не балуй!

Одарила сэра Барти испепеляющим взглядом и послала Пенку в галоп.

Рыцарь приотстал – к чему ловить пыль в лицо. Сегодня лучше девчонку не трогать. Пусть уж перебесится без помех.

Мариана осадила Пенку на околице Мелких Выселок – совсем даже не маленькой деревни милях в пяти от Себасты. Осадила грубо; слишком грубо для нервной южанки. Все еще бесится, отметил Барти; ну ладно, тебя обидели, но кобыла-то причем?! От нее, Нечистый тебя задери, жизнь твоя зависит, а ты…

К раздражению прибавилось удивление: девушка уверенно направила кобылу к трактиру мастера Джекоба, а его из опытных-то путешественников не все знают. Останавливаются по большей части в «Коне и хорьке» или «Винной бочке»: там огромные дворы с навесами, чистые конюшни, просторные комнаты – и на удивление поганые повара. А у Джекоба места мало, зато готовят жена с невесткой, и как готовят… а сэр Барти, признаться, к еде относился куда трепетней, чем приличествует человеку военному.

Младший сынишка трактирщика принял их лошадей, Мариана рассеянно бросила:

– Спасибо, Ники.

Войдя вслед за ней, Барти заметил: девица не задержала взгляд на ряде оскаленных волчьих голов на стене, как все, кто попадает к Джекобу впервые. Бросила хозяину, подскочившему встретить, монетку, приказала:

– Ужин в комнату.

– Стефка! – гаркнул Джекоб. – Комнату и ужин для благородной Марианы!

– Спасибо, Джекоб! – Мариана вслед за трактирщиковой дочкой взбежала по лестнице и свернула в коридор. На Барти даже не оглянулась.

Рыцарь сел за дальний столик, спросил жареной в тесте кефали, белого сыра, имперского золотистого вина. И задумался.

Ощущение складывалось такое, что трактирщика Джекоба и благородную девицу Мариану связывает по меньшей мере доброе знакомство. Будь здесь Дик, подкатился бы к трактирщику и выспросил, что к чему. Но сам Барти, хоть и останавливался у Джекоба частенько, в отношениях с ним дальше холодноватой вежливости так и не продвинулся. Виной тому была донельзя глупая и неприятная история, вспоминать которую сэр Барти категорически не любил – хотя, если судить непредвзято, рыцарь ведь не виноват, что подопечный ему достался из тех, что сначала делают, а думают уж после, когда успеют и сами в зубы получить, и всех окружающих перебаламутить. Ну везешь ты в Готвянь заказанный тамошним магистратом товар, так и вези, никого не трогая! Нет же, надо сначала сцепиться длинным языком с местной пьянью, потом начать задирать проезжих гномов, а в довершение всего нахамить хозяину! Конечно, Барти тогда пытался загладить вину подопечного, и нелегкая эта задача ему даже почти удалась. Во всяком случае, дурня-купца отпустили почти целым, и рыцаря на порог пускать не перестали. Однако ясно было, что, начав выспрашивать о Мариане, сэр Барти рискует навсегда вылететь из числа желаемых постояльцев мастера Джекоба. Оставалось молча наслаждаться стряпней трактирщицы, на редкость хорошим вином и спокойным вечером.

Тем более, что завтрашний день спокойствия не сулил. Назавтра, если, конечно, рыцарь не намерен молчать всю долгую дорогу, нужно объясниться с Марианой. Девица явно не поняла, что за свидетель навязался ей в попутчики, а не поняв, вообразила невесть что и затаила обиду. Путешествовать же в компании обиженной девицы…

Да, скажем честно: в этот вечер сэр Бартоломью сожалел о той горячности, с которой кинулся на защиту чести благородной Марианы. И не столько потому, что порыв его не был оценен девицей, сколько из пакостного чувства собственного бессилия перед лицом грядущих опасностей. Свидетель… что может быть хуже?!

Рыцарь совсем уж было собрался потребовать себе комнату, когда, звякнув медным колокольцем, распахнулась дверь и в трактир вошел человек, коего Барти менее всего ожидал здесь увидеть. И то сказать, капитаны отрядов редко когда сами пускаются в путь. А кряжистый седоусый воин в фиолетовом плаще поверх посеребрённой кирасы был именно капитаном отряда, да не какого-нибудь – столичного. Барти привстал, махнул рукой:

– Сэр Арчибальд! Рад приветствовать!

Старый рыцарь грузным шагом пересек трактир, опустился на табурет напротив Барти. Спросил:

– В Корварену или дальше?

– Дальше, – вздохнул сэр Бартоломью. – Далеко и надолго, чтоб его.

– Тогда вдвойне хорошо, что мы встретились, сэр Бартоломью. Новости мои такого свойства, что их лучше знать и учитывать в дороге.

– Что-то серьезное, сэр капитан?

– Трудно сейчас сказать, насколько… – Сэр Арчибальд раздраженно оглянулся: куда, мол, трактирщик подевался? – Но боюсь я, что куда серьезней, чем думают в столице.

Подоспевший Джекоб с почтительным поклоном сгрузил перед столичным гостем ужин, а молодому рыцарю поднес еще вина и сыра. И благоразумно испарился, оставив благородных господ беседовать без помех.

– Скажи, Барт, – старый рыцарь не прервал разговора ради ужина, что само по себе было неприятным признаком, – на последней себастийской ярмарке подземельные торговали, как обычно?

Барти призадумался. Особо он по ярмарке не разгуливал, но зайти зашел. И по рядам гномьих подвод – тех, что с оружием и снаряжением – ходил долго. Приценялся, обсуждал товар, покупал… да и ребята после хвастались покупками.

– Вроде как да, – кивнул Барти. – А…

– Дюжину дней назад, – опередил его вопрос сэр Арчибальд, – закрылось представительство Подземелья в Корварене. Внезапно и без каких-либо объяснений. Прошел слух, что гномы ответили так на поднятые королем пошлины; и, добавлю, те, кто повторяет этот слух, ругают не короля, а мастеров Подземелья. Столице не хватает гномьих товаров, и люди недовольны. Между тем король, когда я спросил его прямо, ответил, что пошлина поднята лишь на оружие. И даже не на всё оружие, а лишь на то, что продается не в королевский арсенал. Вряд ли это так уж сильно ущемляет Подземелье.

Барти хмыкнул, разлил по кубкам вино: ради именитого гостя Джекоб откопал в своих закромах «Полуденное солнце», сорт не то чтобы очень уж дорогой, но после до сих пор памятной в Диартале засухи – редкий.

– Более того, – сообщил сэр Арчибальд, – король, оказывается, пытался выяснить, что за причины побудили Подземелье отозвать из его столицы своих мастеров. Но ему ответили туманно и обтекаемо: дескать, идут недобрые времена, и надобно переждать их, не давая людям повода для ссоры.

– А сами…

Сэр Арчибальд вскинул руку: дескать, помолчи. И продолжил:

– Король наш тоже счел, что такой ход странен для тех, кто не хочет ссоры. Видишь ли, Барт, наш молодой король прям, он не любит ходить вокруг да около. Он сказал посланнику Подземелья, что люди в столице удивлены, и до обид недалеко. Но гном ответил, что больше было бы обид, останься мастера Подземелья в столице. А почему – не захотел объяснить. Лишь пообещал, что гномьи мастера вернутся в Корварену, когда утихнет опасность, и что гномы не нарушат мир, пока люди соблюдают его условия. И эти последние слова, так сказал мне король, больше походили на угрозу, чем на обещание мира.

– Еще бы, – нахмурился Барти, – король ведь не может вовремя схватить за руку каждого из своих подданных.

– Но он в ответе за каждого из них, – назидательно заметил старый рыцарь. – И если договор с Подземельем будет вдруг нарушен, пусть даже последним отщепенцем, – помоги нам Господь! Поэтому, сэр Бартоломью, будь внимателен в пути. Может, тебе повезет разобраться.

– Но, сэр Арчи…

– Что, Барт?

– Разве у корваренского отряда нет больше сообщения с Подземельем?

– Есть-то есть. – Угол капитанова рта недовольно дернулся. – Я сам говорил с гномьими старшинами. Мне сказали, что мы по-прежнему можем обращаться за помощью, буде припечет. Но объяснили не больше, чем королю. – Сэр Арчибальд пожевал губами. Посмотрел на полный «Полуденного солнца» кубок. Выпил одним долгим глотком, как пьют воду, безо всякого уважения к редкости, вкусу и букету. И добавил: – Мне это не нравится, Барт. Очень не нравится.

4. Подземелье, шесть дней тому назад

Тихо здесь было и спокойно. И, верно, нечасто слышались здесь голоса настолько взволнованные, как у парня, что рассказывает степенному гному о делах на поверхности – темных делах, тайных, тех делах, о которых ему, смиренному монастырскому послушнику, и знать-то неоткуда. Бывшему смиренному послушнику… уж чем не отличалось лицо парня, так это смирением и готовностью подчиняться. Впрочем, принимавший гостей гномий мастер, один из старшин Подземелья, глядел на молодого человека одобрительно и даже, пожалуй, с долей восхищения – как смотрел бы на редкой красоты пещеру или драгоценный камень чистейшей воды.

А вот в тех взглядах, что кидал гном на его спутника, мужчину лет около тридцати, сквозила толика сомнения и, пожалуй, сочувствия. Так, верно, глядел бы мастер на самоцвет, подпорченный неумелой огранкой. Вроде и играет – ан мог бы лучше…

Гостевая комната протапливалась открытым очагом. Люди сидели лицом к огню, в отдалении, гном – почти вплотную, грея спину. За его креслом – низкий каменный бордюр и темная даже в отсветах пламени кованая решетка: цветы и птицы, узор, подсмотренный на поверхности, совсем не гномий, – но исполнение поражало, казалось, бутоны вот-вот раскроются, а птицы – вспорхнут. Шутки огня, думал один из гостей, любуясь отблесками на темном металле. Исконное гномье умение, мельком отмечал другой: то, что подземельные мастера зовут просто «работа», но чего не достичь даже самым искусным из числа людей. Люди просто по-другому видят.

В огне плясала-извивалась саламандра: тонкая, гибкая, изысканная, словно рисунок тушью на старом пергаменте.

Гномий мастер-старшина переводил острый взгляд с одного лица на другое; глаза его отливали зеленью и золотом. Старший из людей заметно смущался под гномьим взглядом; младший подслеповато щурился.

– Если бы мы еще не закрыли корваренское представительство, пришлось бы сделать это теперь. Тревожные вести принес ты нам, Анже.

– Но вы закрыли его раньше, – нарушил повисшее меж ними молчание старший. – Даже раньше, чем Анже узнал… простите мое любопытство, почтенный мастер, но почему?

Гном пожевал губами, прежде чем ответить.

– Оба вы слышали о Каменном Оракуле. Объяснять ли далее? Нам явлено было новое пророчество.

– Оно касается и людей? – напряженно спросил младший.

– А ты догадлив, Анже. – Гном усмехнулся, но усмешка его в отблесках пламени казалась зловещим оскалом. – Их-то оно и касается.

– Я, верно, стал слишком мнительным, – пробормотал Анже. – Правду говорят люди, что много знать – покоя не видать.

– Э-э-э, не в знаниях дело, – покачал головой гномий мастер. – Сам подумай, ты ведь мог остаться на пути послушания. Не знания помешали тебе.

– А что же? Если бы не узнал я всего…

– Ты жалеешь? – Старший из людей насмешливо поднял бровь.

– Свет Господень, Серж, что ты говоришь! Конечно же, нет!

– Так о чем разговор. Лучше скажите, почтенный мастер, дозволено ли нам услышать слова пророчества?

– Это не мне решать. Однако думаю я, что вы его услышите, – гном, крякнув, поднялся и кивнул гостям на темный провал в стене за очагом. – Пойдемте, вас ожидают.

Дорожка светилась тусклой зеленью: короткий путь, сжимающий не то время, не то расстояния. Неторопливая пешая прогулка заняла не более четверти часа. Зелень под ногами сошла на нет: перед людьми распахнулась пещера, огромная, едва подсвеченная рассеянным дневным светом. Странное, будто бы чужое, но когда-то испытанное чувство коснулось младшего из людей.

– Сердце Подземелья, – пробормотал он.

Его спутник оглянулся с новым, куда большим интересом. Но что здесь разглядишь? Стены и потолок терялись в сумраке, непроглядном для живущих под синим небом. Пестрый гранит под ногами был бы достоин королевского дворца – если отполировать его, убрать валуны по сторонам прохода… впрочем, и в диком камне есть очарование, признал гость Подземелья. Здесь чувствовалась мощь; но мощь не давящая, не враждебная.

– Да, – покивал мастер-гном, – Сердце Подземелья, одно из многих и единственное. Впервые за последние три сотни лет сюда вошел человек, и это – больше, чем честь, и больше, чем доверие.

– Что же тогда?

Ответил людям другой голос, тусклый и словно надтреснутый:

– Надежда. Единственная, быть может, наша и ваша надежда.

Как будто выйдя из валуна или вовсе появившись ниоткуда, перед людьми возник еще один гном. Столь же крепкий и кряжистый, как стоявший рядом с ними мастер, но поседевший, высушенный бесконечными годами. В глазах его не осталось молодой зелени, лишь выцветшее золото, и под его взглядом люди опустили глаза.

– Я рад видеть вас, – продолжил старый гном, – хотя свели нас недобрые времена.

– Мы приветствуем Хозяина Подземелья. – Анже низко, по гномьему обычаю поклонился, и Серж повторил его поклон.

– А, ты понял, – в тихом голосе почудилась улыбка. – Не скрою, это была проверка. Сердце Подземелья и впрямь готово открыться тебе, Анже. Я не ошибся, хвала Огню. А ты, – Хозяин Подземелья перевел взгляд на старшего из гостей, – скажи, Серж: теперь, когда оба вы в безопасности, что думаешь ты о дальнейшем своем пути?

– Вопрос не ко мне. – Старший из людей, вопреки обыкновению, был серьезен. – Сначала пусть решит Анже.

– А что решать? – с искренним удивлением спросил младший. – Разве не должны мы предупредить короля о том, что грозит ему? Вот только как…

– Как – придумаем, – решительно заявил Серж. – Важно, что ты не бросаешь это дело. Признаться, друг Анже, я рад. Значит, мы и дальше вместе.

– Это хорошо. – Золотые глаза старого гнома продолжали вглядываться в людей, словно в редкие камни, из которых неясно еще, что получится. Гномы видят суть, вспомнил Серж, истинную суть.

– Пойдемте, – произнес Хозяин Подземелья.

Тропа чертила меж валунов угловатый знак. Серж чуть приметно кивнул: он встречался с таким. Охранительные чары.

За очередным поворотом старый гном остановился, давая людям разглядеть бронзовую чашу на каменном пьедестале. Десятками низких язычков, мохнатым ковриком, горел в той чаше приглушенно-голубой огонь, и посреди этого странного, непривычного и цветом и запахом пламени лежали, свернувшись клубком, две маленькие бело-голубые саламандры.

– Спят, – с тихой нежностью проговорил гном. – Нам дальше, идемте.

Два человека и гном прошли мимо гнезда огненных ящериц, и глазам их открылось еще одно чудо. Черный, словно возник из первозданного мрака, кристалл – в рост невысокого человека, о пяти боковых гранях и чуть скошенной верхней. Кристалл притягивал взгляды

людей – и не отпускал. Казалось, рядом с ним замерло время, и жизнь человеческая стала не важнее капли росы или отлетевшей от костра искры.

Вскрикнув, Анже закрыл глаза руками.

Серж, как завороженный, сделал шаг вперед. Остановился, до крови прикусив губу.

– Подойди, не бойся, – сказал ему старый гном. – Тебя ведь тянет посмотреть ближе?

– Да, еще как, – честно ответил Серж. – А можно?

– Эх, человек… Это Сердце Подземелья, Серж, и единственное, что важно здесь – побуждения твоего сердца. Можно и должно всё, что хочется.

– Да мало ли чего я захотеть могу?

– Только того, что подскажут тебе корни мира и твоя душа. Здесь решаешь не ты и не я, здесь мы гости, и нам должно слушать, что говорят хозяева.

– Тогда ладно. – Серж, неуверенно улыбаясь, сделал еще шаг. Теперь он стоял совсем близко к черному боку кристалла, и ему чудилось, что изнутри смотрят чьи-то глаза – то ли его отражение, то ли… Серж осторожно прикоснулся к кристаллу раскрытой ладонью. Замер. Словно сама собой, легла на гладкий бок камня и другая ладонь; теперь во всем мире остались только человек и ищущий его взгляда чуждый взор. Оживший кошмар из полузабытого детства – но, вот странность, человеку ничуть не было боязно. Разве что немного тревожно. Теперь, взрослым, прошедшим многое, он умел встретить улыбкой не только живые, ищущие и разумные глаза мертвого камня, но и куда более страшное.

– Анже. – Гном взял второго гостя за локоть, развернул. – Посмотри, они проснулись.

Руки парня бессильно упали. Глазам снова открылась огненная чаша. Две ящерки потягивались среди языков пламени, выгибали спины, запрокидывали маленькие головы. Голубые блики играли на сверкающих ослепительной белизной боках. Вот одна вытянула вперед лапку; мелькнули и спрятались синие искорки-коготки.

– Я хочу сделать тебе подарок, Анже.

– Подарок?

– Чему ты удивлен? Не только среди людей принято одаривать… Дай мне руку, Анже, и молчи, что бы ни было с тобой. Иначе магия не сработает.

Парень протянул гному ладонь. Будто каменными тисками сжали ее пальцы Хозяина Подземелья. А потом – словно горячий поток заструился из рук гнома в руку человека, поднялся к плечам, разбежался по телу. Все горячее и горячее… кипяток, жидкий огонь, расплавленный металл! Анже зажал рот свободной рукой, из глаз побежали слезы. В голове сделалось мутно и пусто, в ушах гулко застучала кровь… полно, какая кровь, у него не осталось крови, вместо нее теперь чистый огонь!

– Вот и всё, – пробился сквозь тяжкий гул в ушах голос Хозяина Подземелья. – Всё, Анже. Ты молодец, вытерпел.

– Ох-х-х-х… что это было?

– Гляди. – Старый гном протянул руку к огню. Ближняя саламандра ткнулась носиком в его ладонь. – Иди, иди, – подбодрил малышку гном. – Иди ко мне, маленькая. Я подыскал тебе хозяина.

Ящерка взбежала на широкую ладонь гнома и замерла, высоко подняв голову. Сапфировые глазенки встретились с золотыми глазами, и показалось, что гном и саламандра продолжают разговор – неслышно для посторонних.

И вдруг Хозяин Подземелья поднес ладонь с огненной ящеркой к лицу человека. Саламандра ткнулась мордочкой парню в нос, в щеки – будто принюхивалась. Анже вздрогнул, ожидая возвращения нестерпимой боли. Но боли не было. Только живое пушистое тепло. И теперь он мог рассмотреть ящерку как следует: ярко-синие глаза навыкате, щелочки ноздрей, голубой гребень над головой, похожий на застывшее пламя. Переливы белого и синего, пробегающие по шкуре, как огонь по полену. Ящерка тронула его лапкой – отчетливо вид-

нелись крохотные синие коготки, сверкающие, как драгоценные камни, – но он снова почувствовал лишь приятное тепло.

– Что это? Почему?…

– Возьми ее в руки. Не бойся, теперь можно.

Анже вспомнил: однажды он уже хотел взять в руки саламандру. Давным-давно, мальцом еще… вот как сбываются иногда детские желания.

Ящерка перескочила на рукав куртки и замерла. Анже охнул. Проговорил удивленно:

– Я думал, загорится.

– Людские суеверия, – фыркнул гном. – Если бы саламандры не могли контролировать свой огонь, они были бы опасны даже для нас. Ты ее хозяин, Анже, и можешь не бояться пожара.

– Погладить саламандру, как другие гладят собак, – Анже счастливо улыбнулся, накрыл угнездившуюся в его руке ящерку свободной ладонью. Меж пальцев текло мерцающее алое тепло, билось в такт с его сердцем. – Столь щедрый подарок, что неловко мне принимать его. За такие подарки надо отдаривать, но что могу я предложить взамен?

– Э-э-э, Анже… Ты заслужил нашу благодарность. Ты подарил нам самое ценное, что есть в мире, от неба до корней гор: знания. Оставь малышку себе, не отказывайся.

– Но разве ей не нужен огонь?

– Неужто трудно тебе будет сажать ее иногда в очаг, или в светильник, или в походный костер? Не забывай только брать обратно, потому что негасимым огнем для нее станешь ты. Ты чувствуешь, как хорошо ей в твоей ладони? Чистый огонь твоего мужества греет ее столь же приятно, как тебя – ее живое тепло.

Анже покраснел; но гном не дал ему возразить.

– Я вижу, – строго сказал он. – Мы, живущие у корней мира, видим глубже. И ты знаешь это, человек.

– Знаю, – прошептал Анже. – Спасибо, достопочтенный. Спасибо.

– Не стоит благодарности, – гном насмешливо прищурился. – А теперь, Анже, давай вернемся к твоему другу.

Анже снова покраснел.

– Тебя пугает этот камень? – понимающе спросил Хозяин Подземелья.

– Очень, – признался Анже. – Он как вечная ночь.

– Вы с ним похожи. Только ты видишь прошлое, а он – будущее. Однако тебе, пожалуй, и впрямь опасно к нему прикасаться. Здесь, в Сердце Подземелья, чувства не лгут.

– Так это… это и есть Каменный Оракул? – Анже наконец обернулся к черному кристаллу.

– А ты до сих пор не понял, – улыбнулся гном.

– Мне всегда казалось, что он… другой.

Серж все так же стоял, уткнувшись носом в гладкий бок камня, словно выглядывал в замороженное окно, протаивая дыханием корочку льда. Что же не так, растерянно подумал Анже – и вспомнил. Пророчество.

– Но я думал, он говорит!

– С нами – да. Однако вы, люди, не поймете его слов.

Саламандра, чихнув облачком нежгучих искорок, нырнула головой в рукав куртки. Анже почувствовал щекочущие прикосновения коготков – вверх по руке, до плеча, до шеи. Ящерка, похоже, нашла себе место.

– Нет, – прохрипел вдруг Серж. – Барти, нет!

И, не отрывая от гладкого камня ладоней и остекленевшего взгляда, съехал на пол.

– Серж?! – Анже упал на колени рядом с другом, вгляделся, щурясь, в побелевшее лицо. – Серж, очнись! Скажи что-нибудь!

Хозяин Подземелья положил ладонь Сержу на затылок, замер на долгий миг. Покачал головой:

– Оставь его, Анже. Он смотрит сейчас, смотрит в будущее. Подождем.

Анже, кажется, и дышать забыл. Медленно, как капли вязкой смолы, текли мгновения. Но вот Серж, вздрогнув, обмяк. Анже подхватил его, помог сесть.

– Как ты?

Долгое, почти бесконечное молчание. В пустых глазах Сержа медленно, как прогалины ранней весной, как игра камня под рукой мастера, проступила жизнь. Боль, страх, удивление… решимость.

– Да уж наверное, не хуже, чем ты после иных своих видений, – усмехнулся вдруг Серж. Потер лоб, словно пытаясь что-то вспомнить. И произнес с внезапной серьезностью: – Нам надо в Южную Миссию. Срочно.

– Не в Корварену? – переспросил Анже.

– Нет. В Южную Миссию. Туда едет король. И… и еще один мой старый друг.

Анже пожал плечами:

– Ладно, как скажешь. Что хоть там?…

Но Серж, не ответив товарищу, повернулся к Хозяину Подземелья:

– Я прошу вас, достопочтенный… может, это не относится и вообще неважно… но все-таки – как звучит новое пророчество?

– Это важно, – тихо проговорил гном. – Я скажу вам. Однако вы не должны передавать его. Никому, что бы вам за это ни сулили и чем бы ни грозили.

– Клянусь, – легко кивнул Серж. Будто речь о пустяке, поразился Анже… А если…

– Анже? – спросил Хозяин Подземелья.

– Я не знаю, – пробормотал парень. – Я не стану болтать, конечно. Но я не могу ручаться, что стерплю, если вдруг…

– Это просто, – усмехнулся Серж. – Не дрейфь, друг Анже. Кто вообще о нем знает, кроме гномов? Никто! А уж тем более, что мы его слышали! Если сам не проговоришься, никому и в голову не взбредет спрашивать.

– Тогда конечно, – робко улыбнулся Анже. – Тогда я тоже клянусь…

– Идет беда из-за моря, – напевно проговорил гном. – Ложь великая, алчностью рожденная, отвратит людей от Подземелья. Они поймут свою ошибку, но будет слишком поздно: не жить им без Подземелья, как Подземелью не жить без людей. И лишь четверо тех, кому дано найти путь к спасению. Двое, что ошиблись однажды в выборе пути, и двое, что пошли за ними ради любви, дружбы и чести.

– Ошиблись, – тихо повторил Серж. – Двое, что ошиблись…

– Кто из людей не ошибался? – Анже пожал плечами.

– И все-таки одним из них можешь быть ты, – задумчиво сказал Серж. – А второй… думается мне, что я знаю и второго.

ТРИ ПОСОЛЬСТВА

1. Луи, король Таргалы

– О Луи! – Стефания счастливо рассмеялась, отпустила плечи возлюбленного и откинулась на обтянутые алым шелком подушки. Золото на красном, в который раз усмехнулся Луи, ай да Стефа. – Ты великолепен!

– Знаю. – Луи поцеловал Стефанию в кончик носа и растянулся с нею рядом. – Ты тоже.

– Я? Да брось, – в бархатном голосе юной северянки звучало неприкрытое кокетство. – При твоем дворе столько прекрасных дам.

– Ни одна из них не смеется, – серьезно объяснил молодой король Таргалы.

– Вообще? – с преувеличенным удивлением протянула Стефания.

– Вот только не говори, что ты не поняла, – усмехнулся Луи.

– Неужели ты перепробовал их всех? – Жена барона Годринского, капитана белой роты полка королевских кирасиров, известного всей Корварене дуэлянта, лошадника и ловеласа, сморщила носик и забавно фыркнула.

– А ты думала, – вздохнул король. – Их не перепробуй – так ославят, не обрадуешься.

– Что значит «ославят»? – на этот раз Стефания удивилась непритворно. – Они что, об этом болтают?!

– Еще как.

– Погоди… а мужья-то?

– Стефа, чудо ты наивное! Это твой Ленни с понятиями, вот поймает меня здесь – морду начистит и не поглядит, что король. А у них… – Луи запнулся, с трудом сдержав неподобающее в обществе прекрасной дамы словцо. – Ох, Стефа… веришь, мои придворные друг перед дружкой носы задирают, когда я их жен… а, пошли они все!

Стефания повернулась на живот, подперла голову руками; золотистые волосы рассыпались по спине, в глубоких серых глазах отразился огонек единственной горящей в изголовье свечи. Кинула мимолетный насмешливый взгляд на украшающий стену родовой герб мужа: золотой олень на красном поле. Рога о семи отростках, ну разве не смешно?! Не то семь битв, пережитых благородным предком, не то семь побед… но так и лезет на ум совсем другое объяснение!

– Луи, но почему ты тогда…

Король понял недосказанный вопрос. Улыбнулся:

– Да очень просто. Пока у дверей моей спальни такая давка, никому и в голову не взбредет, что я бегаю по дамам куда-то еще. И твой Ленни будет со спокойной душой ухлестывать за герцогиней Эймери, к их обоюдному удовольствию. А я, – Луи нежно провел ладонью по золотым волосам, откинул закрывшую лицо его дамы прядь, – буду спокойно любить тебя.

Молодой король лукавил. Вовсе не из стремления утаить ночные визиты к прелестной Стефании он тасовал придворных дам, как шулер тасует колоду. Беда была в том, что молодому королю достался от отца в наследство такой сволочной двор, что просто руки опускались. Конечно, он заменил капитана личной гвардии и капитана тайной службы – в первый же день после коронации, наплевав на неизбежную шумиху, горячее неодобрение королевского аббата и официальный протест совета министров. Но с остальными приходилось осторожничать: наживать себе врагов среди столичной аристократии Луи считал неумным.

– Пока они покупают королевские милости за своих жен, они будут довольны королем, – объяснил как-то Луи новому капитану тайной службы графу Готье Унгери. – Жены – шлюхи, мужья – сводники. И это люди, кичащиеся древностью гербов и заслугами благо-

родных предков! А сами через своих женушек друг на друга доносят. И я так думаю, что они скорее вцепятся друг другу в глотки, чем организуют какой-нибудь заговор.

– Учти еще одно, – ответил тогда Готье. – Ты можешь через этих шлюх подкидывать их муженькам то, что они хотели бы знать о соперниках. Если тебе надо кого-то из них рассорить – только скажи.

Результатом того давнего разговора – и, разумеется, столь неупорядоченной личной жизни короля – стали четыре шумные дуэли и одна не менее шумная отставка, и Луи всерьез надеялся еще за пару лет избавиться от наиболее нежелательных фигур из папиного наследства, не засветив своего в этом участия. Но не объяснять же коварную внутридворцовую политику прелестной Стефании? Тем более, когда она вот так водит тонкими пальчиками по груди, по животу, подбираясь…

В окно ударил камушек.

– Ленни возвращается. – Король вскочил, натянул штаны и рубаху, крепко обнял спрыгнувшую с кровати баронессу.

– Придешь завтра?

– Не знаю. Как получится. – Ответив на страстный поцелуй возлюбленной и с некоторым трудом подавив горячее желание отправить барона Годринского подальше от столицы, Луи схватил камзол и шпагу. – Выгляни, все тихо?

Стефания распахнула окно, оглядела темный переулок:

– Никого.

Король влез на подоконник, выждал несколько мгновений, чтобы глаза притерпелись к ночному мраку, и спрыгнул вниз.

Булыжник мостовой ударил по ногам; Луи выпрямился, мельком усмехнувшись: второй этаж городского особняка – не та высота, что может обеспечить неприступность женской чести. И тут от стены напротив отделилась долговязая фигура.

Не тратя времени на попытки разглядеть лицо, Луи отскочил к стене, обернул камзол вокруг левой руки и обнажил шпагу. Тишину переулка разорвал негромкий смешок, и прекрасно знакомый королю голос произнес:

– Это я.

– Готье? – Король вбросил шпагу в ножны. – Что ты здесь делаешь? И где Бони?

– Одевайся и пойдем отсюда. Уж прости, что сдернул тебя с прекрасной баронессы, но дело срочное. И обсудить его лучше без лишних ушей.

Король нахмурился:

– Что стряслось? И, повторяю, где Бони?

– Мужа твоей дамы караулит, где ему еще быть.

Из-за угла выскочил долговязый парнишка, махнул рукой.

– Легок на помине, – буркнул Готье. – Давай, уходим.

Когда барон Годринский спешился во дворе своего особняка, гость его жены вместе с самым доверенным пажом и капитаном тайной службы был уже далеко. Стефания же, проводив любовника, прежде всего расправила простыни и взбила подушки. Затем достала из стоящей перед зеркалом шкатулки с мелочами того сорта, что интересны только дамам, невзрачный, не украшенный даже простенькой вышивкой бархатный кошелек. Распустила тщательно затянутый шнур, выудила щепотку порошка и притрусила подушки, а прилипшую к пальцам пыль вытерла о волосы. Подумала с усмешкой: верно, герцогиня Эймери совсем недавно занималась тем же. Порошок из горной лаванды, на котором лучше всего держится наговор «чистая супруга», стоит немалых денег, но это не мешает ему быть ходовым товаром среди столичных дам и их кавалеров.

2. К вопросу о невестах

Бони топал на несколько шагов впереди, насвистывая себе под нос что-то немелодичное, но бодрое. Улица Золотой Розы, широкая, залитая желтоватым светом фонарей, была в этот час пустынна. Чем не место и время для разговора без посторонних ушей?

– Так что за срочное дело? И почему вдруг обсуждать его надо ночью на улице? Ты ведь заходил ко мне вечером, что успело произойти такого важного?

– Вечером у тебя сидел отец Ипполит. И утром будет сидеть, так что в официальный доклад я эту новость не включу.

– И что ты так на него взъелся? – вздохнул король. – Какой бы ни был, а он человек Господа.

– Он слишком любит соваться в государственные дела.

Что правда, то правда, с некоторым раздражением подумал молодой король. Но что тут поделаешь? Всегда Святой Суд Церкви держал при короле аббата, и всегда тот аббат имел право советовать королю и направлять его. И докладывать Святому Суду о деяниях государя, идущих вразрез с наставлениями Церкви. А Святой Суд вправе и короля призвать к ответу, как последнего из его подданных. Поэтому ссориться с отцом Ипполитом нельзя.

– Ладно, рассказывай.

– Император собрался предложить тебе в жены свою старшенькую дочурку. Жди посольства, они уже выехали. Возглавляет его двоюродный дядя старшей жены императора, так что в серьезных намерениях сомневаться не приходится.

Луи выругался сквозь зубы. Буркнул:

– Только этой шалавы мне здесь не хватало для полного счастья. И союза с ее папулей заодно.

– Вот именно, – кивнул Готье. – Именно союза. И еще одно учти: когда Элайя родит тебе наследника, его дед в случае твоей неожиданной смерти будет иметь такое же право стать регентом, как твой кузен Филипп. И станет, учитывая, что Филипп испугается воевать с империей. Старый шакал наверняка рассчитал все на двадцать лет вперед.

Король пробормотал нечто маловразумительное и задумался. Некоторое время тишину нарушал только свист пажа. Но вот Луи хмыкнул и скомандовал:

– Поворачиваем. Эй, Бони, слышал?

– Куда? – поинтересовался Готье.

– К Виталию.

– Радислава? – Тонкие губы графа Унгери растянулись в улыбке.

– Почему бы нет? – серьезно ответил король. – По крайней мере, мы с ней всегда ладили.

– Интересное решение. Но, Луи, ты в самом деле хочешь ввалиться к старику посреди ночи?

– Он простит. Уж кто-кто, а дядя Виталий быстро сообразит, чем грозит Двенадцати Землям моя свадьба с Элайей. Мы ведь хотим, чтобы все выглядело невинно, а для этого надо уговориться с Егорием до того, как о посольстве императора станут болтать на каждом углу.

Князь Виталий, посланник короля Егория в Корварене и брат покойной королевы Таргалы, в девичестве – княжны Гориславской, жил, по счастью, недалеко. Всего-то спуститься вниз по улице Золотой Розы и свернуть на набережную. Однако, как и следовало ожидать, окна княжеского особняка были темны, и на требовательный стук вышел не дворецкий, а парень из охраны, встрепанный и недружелюбный. Впрочем, гостей он узнал сразу: королева София крепко дружила с братом, и Луи после кончины любимой матушки частенько навещал дядю.

– Ваше величество, – охранник посторонился, впуская гостей в дом, – что-то случилось? Князь давно спит.

– Случилось, – кивнул молодой король. – Мне жаль, но придется потревожить его сон. И срочно.

– Прошу вас подождать, ваше величество. Я позову сержанта.

Долго ждать не пришлось: похоже, начальник караула и без доклада услыхал посторонние голоса. Он вышел к неожиданным визитерам почти сразу, бодрый, подтянутый, при полном вооружении, и Луи мельком подумал, что его собственная охрана не так расторопна. Пожалуй, давно пора устроить ночную проверку и под это дело снять с позором лейтенанта Скеттери, а на его место назначить кого потрезвее.

– Приветствую ваше величество, – сержант отдал честь с небрежной лихостью, свойственной уверенным в себе ветеранам. – Чем могу служить?

– Я понимаю, как странно выглядит визит среди ночи, но у меня новости, которые не могут ждать. Мне необходимо срочно поговорить с князем Виталием.

– Добре, сейчас разбужу секретаря.

– Вот этого не надо, – вступил в разговор Готье. – Чем меньше людей будет знать, что его величество был здесь сегодня, тем лучше. Разбудите господина посланника сами и предупредите его, что встреча должна остаться в полной тайне.

Сержант колебался не больше нескольких мгновений. Кивнул:

– Проходите в гостиную. Я разбужу князя.

Посланник Егория вышел к гостям быстро: старый воин не разучился вскакивать по тревоге, а ночной визит короля Таргалы, да еще тайный, на тревогу вполне тянул. Виталий – очевидно, ради быстроты – предпочел обычной нарядной одежде замшевый походный костюм. Куртка скрадывала выпирающее брюшко и подчеркивала широкий разворот плеч, и Луи с некоторым удивлением подумал, что его дядя не настолько стар и немощен, как старается показать на официальных приемах.

– Я прошу прощения за неподобающе поздний визит…

– Перестань, Луи, – отмахнулся от извинений князь Виталий. – Раз пришел, значит, так надо. Я достаточно тебя знаю. Здесь расскажешь, или пройдем в кабинет?

– В кабинет, – по-мальчишески азартно выпалил король. И поспешил добавить, заметив понимающую усмешку дяди: – Дело не только секретное, но и официальное.

Виталий обвел гостей пристальным взглядом. Спросил:

– Молодой человек, очевидно, будет ждать здесь? Я велю подать угощение. Что вы предпочитаете, юноша?

– Благодарю, князь. – Бони изысканно, как подобает пажу, поклонился. – Мне ничего не надо. Я подремлю.

– Как хотите. Что ж, прошу в кабинет, ваше величество. И вас, господин граф.

Дядин кабинет, как всегда, вызвал у короля чувство легкой оторопи, смешанной с отнюдь не легкой завистью. Слишком уж много здесь было всяких магических штучек, начиная от фальшивого окна во всю стену – за этой стеной, как Луи знал доподлинно, располагались личные покои князя – и заканчивая этажеркой в углу, заваленной амулетами на все случаи жизни. Что говорить, Двенадцать Земель всегда славились своими заклинателями. Не в последнюю очередь потому, с привычным раздражением подумал Луи, что выпускали их из страны разве что с надежной охраной, а дома холили и лелеяли так, что сбежать под руку другого государя никому из них и в страшном сне не приснилось бы.

Князь зажег лампу, указал гостям на кресла у стола.

– Итак, ваше величество?

Луи тяжело вздохнул:

– Господин посланник, я намерен просить у вашего короля руки его дочери Радиславы.

Виталий сцепил руки в замок на животе и откинулся на спинку кресла.

– Луи, что стряслось? Сватовство не затевают среди ночи и в полной тайне, если к тому нет очень серьезных причин. К тому же Радислава – не разменная монетка. Его величество Егорий не настолько слаб, чтобы платить дочерью за политическую выгоду, и он вряд ли согласится на зятя, который не будет ее любить. А ты, не в обиду будь сказано…

– Я понимаю. – Король опустил глаза. – Я… мы с Радой всегда хорошо ладили. На мой вкус, правда, она слишком мала для любви, но ведь ваших девушек отдают замуж рано? Мама была еще младше, когда вышла за отца. А Рада хорошая девочка. Я постараюсь ее не обижать. Слово чести.

– «Постараюсь»? Хорошенькие обещания ты раздаешь, ваше величество.

Луи ответил резче, чем пристало:

– Во всяком случае, я никогда не обижу ее намеренно. Уж в этом-то вы мне верите?

– Верю, – спокойно кивнул князь. – Но ты еще не объяснился, Луи. С чего вдруг тебе приспичило жениться, да еще на девчонке, которая на твой вкус чересчур молода для любовных забав?

– Готье, – попросил король, – расскажи.

Граф Унгери, как всегда при посторонних, опустил рассуждения и предположения. Мое дело – добыть сведения, говаривал иногда капитан королевский тайной службы, а думайте над ними сами, дураков возле себя держать королю резона нет. А уж родича двух государей, своего и соседского, к тому же доверенное лицо одного из них, домыслами кормить и вовсе неприлично.

– Я получил сообщение, что в Таргалу едет чрезвычайное посольство Хандиарской империи… – Капитан тайной службы помедлил, давая князю осознать все значение новости и самому догадаться, что последует дальше. – Цель посольства – предложить королю Таргалы союз, подкрепленный браком с принцессой Элайей.

– Так-так. – Виталий прикрыл глаза и пошевелил толстыми пальцами. – Понятно.

На некоторое время в кабинете посланника Двенадцати Земель установилась тишина. Князь думал, и молодой король не осмеливался перебивать его размышления, что же касается графа Унгери – он молчал с чувством выполненного долга: раздобытые с немалым трудом сведения поспели вовремя, решение король придумал вполне пристойное, теперь дело за Егорием. А уж Егорий, насколько граф Унгери смыслил в международной политике – а капитан тайной службы смыслил в ней изрядно, – не захочет союза Таргалы с империей. Радиславу, правда, может и не отдать: там есть еще три королевские племянницы подходящего возраста. Но кто – это уже вопрос десятый.

– Умно, – сказал наконец Виталий. – Весьма умно. Мой мальчик, я всегда знал, что из тебя получится толковый политик.

– Польщен, – усмехнулся король, – да ведь и было, у кого поучиться.

– Не прибедняйся, что умеешь, то умеешь. Тебе дано. Вот отец твой был в этом полной бездарью, как еще страну не профукал. – Виталий снова прикрыл глаза, пожевал губами. Пробормотал: – Да, умно.

Некоторое время в кабинете князя стояла тишина. Нарушил ее король. Спросил робко:

– Дядя, как думаешь, получится?

– Полагаю, да, – отозвался князь. – Впрочем, поглядим. Приходи завтра в это время, Луи. Я доложу своему королю.

– Благодарю. – Молодой король поднялся. – Не смею более утомлять вас своим присутствием. Спокойной ночи, князь.

– Спокойной ночи, ваше величество. И, как бы то ни было, благодарю вас за визит. – Король пожал плечами, и князь добавил: – Поверь, мой мальчик, я оценил твое предложение и твою любезность. Нам не нужны войска империи на наших границах.

3. Утро короля

В каких бы заботах или приключениях ни проводил очередную ночь молодой король Таргалы, утренний распорядок оставался неизменным. Король вставал по сигналу побудки для стражи – благо, окно спальни, выходящее на двор перед казармой, не закрывалось никогда. Наскоро умывшись, Луи шел или в фехтовальный зал – поупражняться со шпагой на манекенах, или на примыкающую к спальне широкую террасу – размяться на свежем воздухе. Окончательно проснувшись и приведя себя в подобающий государю вид, требовал завтрак. Это означало, что через полчаса король будет готов принимать доклады и раздавать указания, и горе тому, кто опоздает явиться к дверям королевского кабинета.

Министр внешних дел, дворцовый управитель и прочие любители понежиться в постели с немалою тоской ежеутренне вспоминали батюшку молодого короля, вполне заслуженно носившего прозвание Ленивый. Однако роптать не смели, резонно опасаясь нарваться на монаршее соизволение вволю выспаться и отдохнуть подальше от суетной столицы. Да-да, именно такими словами, преувеличенно вежливо и с поистине издевательским сочувствием, молодой король на пятый день своего правления отстранил от должности королевского конюшего – пусть и впрямь недостаточно расторопного придворного, однако человека заслуженного и уважаемого. Воистину мир катится в пропасть, вздыхали старики, иначе откуда бы у молодежи такое пренебрежение к наследию отцов. Но, вздыхая и сетуя, к утренней раздаче являлись исправно.

Этим утром король пожелал для начала пообщаться с министром внешних дел. Вместе с первым вызванным, как всегда без спроса, вошел королевский аббат отец Ипполит. Благословил короля, умостил обширные телеса в глубоком кресле, из коего равно хорошо видны лица хозяина кабинета и его посетителей, и напомнил молодому государю, что всегда готов помочь отеческим советом и наставлением. Министр тем временем топтался у порога, украдкой зевая в кулак. Министра частенько мучила одышка по причине слабого сердца, и он мог себе позволить зевать, в случае королевского неудовольствия маскируя недостаток бодрости досадной немощью.

– Доброе утро, граф. Прошу вас, присаживайтесь. – Король по обыкновению обошелся без вопросов о здоровье и прочей ерунде, а сразу перешел к делу. – Помнится, еще в начале лета вы упомянули о междоусобице на северных островах, и я просил вас подготовить подробный доклад.

– Ва… ваше величество, я… – Завитые по последней моде усы министра дрогнули, словно желая сбежать от греха подальше, и король мысленно пожелал им счастливого пути – вместе с владельцем.

– Вы не готовы доложить подробности?

– Я послал на острова человека, но…

– Ясно. Вам не мешало бы пересмотреть свой штат, граф Агри. Ваши люди работают отвратительно. Ханджарские купцы знают больше вас. Если вам интересно, господин министр внешних дел, братья кнеза Хальва потребовали у него большей доли в доходах от рудников. Он, само собой, отказался, жадные родственнички в ответ попытались сменить его у кормила власти. В результате на островах полная неразбериха, младший брат Хальва не то убит, не то казнен, средний пытается купить помощь у императора, а сам Хальв вот-вот пришлет послов ко мне. И все это, господин министр внешних дел, не я вам должен был рассказывать, а вы мне.

– Что вам до дрязг Хальва с братьями, ваше величество? – мягко поинтересовался аббат. – Вы ведь не станете помогать одной из сторон, нарушая тем самым коронационную клятву? Вы клялись не ввязываться в чужие войны, мой король, и вся Таргала это помнит.

– Они наши соседи, отец Ипполит. С Хальвом у меня мир, а как поведет себя его брат, если станет кнезом, еще неизвестно. Я не хочу, чтобы эта война стала нашей. Вот что, граф, готовьтесь-ка вы, пожалуй, в дорогу. Поедете к Хальву сами. Мы, разумеется, не станем слать на острова войска, но ваше присутствие при дворе кнеза даст повод думать иначе. Я подберу вам несколько толковых офицеров в сопровождающие: если возникнет надобность, они помогут Хальву хотя бы советом. Он не дурак, этого ему хватит, чтобы справиться с ситуацией.

– Но, ва… – Граф Агри схватился за сердце: притворная одышка сменилась самой что ни на есть настоящей. Граф ловил ртом душный воздух королевского кабинета, отчаянно желая излишне деятельному государю отправиться к Хальву самолично, раз уж ему так интересны эти недалеко ушедшие от дикарей островитяне. Впрочем, министр внешних дел прекрасно понимал, что первое же слово неудовольствия, неосторожно произнесенное вслух, окончится назначением на его место какого-нибудь молодого и здорового выскочки. Ничего не поделаешь, придется ехать.

– Можете быть свободны, граф. – Что за мысли мелькают сейчас в голове министра, тайной для короля не было. Луи говорил с той безупречной ледяной вежливостью, которую его придворные уже научились бояться пуще криков и угроз. – Жду вас после обеда, подготовьте подорожные для себя и двух сопровождающих по вашему выбору, я подпишу.

– Двух?! – Приподнявшийся было министр бессильно рухнул в кресло.

– Разве мало?

– Но, ваше величество, а охрана? И потом, я человек в летах, привык, уж простите великодушно, к некоторым удобствам. Я не путешествую без лекаря, камердинера и слуги. А еще нужны секретарь и порученец, и надо бы воспользоваться случаем и взять с собой одного-двух из молодежи, дабы перенимали опыт дипломатических поездок.

– Два помощника из молодых, секретарь, порученец, лекарь, камердинер и слуга. С вами – восемь человек. Хорошо. Что же касается охраны… – Король позвонил, в кабинет заглянул дежурный паж. – Доброе утро, Готфри. Пошли кого-нибудь в казармы «головорезов», пусть пригласит ко мне сэра Джонатана. Если его нет в столице – дежурного рыцаря. И вызови лорд-адмирала.

– Слушаюсь, мой король, – выдохнул Готфри, исчезая за дверью.

– С охраной я разберусь сам, – подытожил король. – Можете идти, граф. Вы должны выехать завтра в это время. Сутки на сборы – вполне достаточно.

– Слушаюсь, ваше величество, – смирился с неизбежностью министр.

– И пригласите герцога Эймери.

Министр внешних дел вылетел из королевского кабинета, едва не упав на пороге. Молодой государь поймал осуждающий взгляд аббата, откинулся на спинку кресла, пробарабанил пальцами по столу нервную дробь. Позарез нужно поговорить со старым Эймери с глазу на глаз, думал он, а при аббате не пригласишь на конфиденциальную встречу. Надо как-то так направить сегодняшние дела, чтобы столкнуться невзначай…

Первый министр вошел стремительно, комкая в кулаке изрядно помятый пергаментный свиток. Его худое лицо показалось королю изрядно осунувшимся, а покрасневшие, нездорово блестящие глаза выдавали, что герцог провел очередную бессонную ночь над бумагами. Изрядно отличаясь от своего сына, юноши внешне весьма добродушного, круглолицего и веселого, старший герцог Эймери напоминал королю тщательно заточенный клинок, выдернутый из ножен ради смертельной схватки. Весьма странное уподобление, учитывая, что молодой Эймери отменный фехтовальщик и вообще обладает явным военным талантом, а его отец всю жизнь предпочитал сражаться исключительно на финансовом поле.

– Доброе утро, герцог! – Луи встал, приветствуя своего учителя в вопросах управления и финансов, одного из немногих толковых людей, доставшихся ему от лентяя-отца. – Я вижу, вы рассержены?

– Полюбуйтесь, ваше величество! – Герцог швырнул свиток на королевский стол. – Полугодовой отчет казначейства.

– Но…

– Я помню, ваше величество, что вы неважно разбираетесь в финансовых вопросах, – сварливо заметил первый министр. – Вернее, просто не любите в них вникать. Но, право же, лорд-казначей должен держать вас вовсе за идиота, чтобы… да поглядите же сами! Что-то же должно было остаться у вас в памяти от моих уроков?

С тяжким вздохом Луи развернул свиток. Вчитался в пункты расходной половины: прежний лорд-казначей погорел на левых тратах. Не приметив ничего особо подозрительного, перешел к доходам. Перечитал раз, другой. Потер лоб.

– Да, кажется, я понял. Вы правы, герцог. Наш лорд-казначей безобразно зарвался. Доходы от себастийской ярмарки должны быть больше раз в десять, по самым скромным прикидкам.

– Совершенно верно. – Герцог одобрительно кивнул. – Будем слать ревизора, или снимете королевским указом? На самом деле здесь есть еще несколько сомнительных пунктов, хотя и не настолько нагло заниженных.

– Палача ему, а не ревизора, – буркнул молодой король. – Самого на галеры, имущество в казну. Может, хоть так следующему неповадно будет? А ревизоров, между нами говоря, тоже не мешало бы проверить. И самых продажных, для острастки, попросту повесить. Все равно на галерах с них толку не будет, а так хоть народ порадуется.

– Ваше величество, – укоризненно произнес отец Ипполит, – нельзя быть до такой степени немилосердным.

Первый министр покосился на аббата с привычной неприязнью.

– Можно, – зло возразил король. – Они обкрадывают не меня, а Таргалу. И будь я проклят, если в конце концов не добьюсь от очередного лорда-казначея честности. Пусть даже для этого мне придется отправить десяток его предшественников на площадь Королевского Правосудия.

– Но помилуйте, сын мой!

– Не помилую, – оборвал аббата король. – Господь их за такое пусть милует в Свете Своем, а мне нельзя. На мне страна, и этой стране нужны деньги.

– Если позволите, – прервал спор герцог Эймери, – я посоветуюсь по этому вопросу с графом Унгери. Вора и впрямь надо примерно наказать, но прежде хорошо бы поймать его с поличным, хотя бы на мелочи. Иначе про ваше величество начнут говорить, что вы кинули в лапы палача невинного и выбили признание пытками. Особенно после того, как его имущество отойдет в казну.

– Вы, как всегда, правы, герцог, – устало вздохнул король. – Хорошо, я отдаю это дело под ваш контроль. Только, прошу, держите меня в курсе.

– Непременно, ваше величество.

– У вас всё?

Первый министр задумался на несколько мгновений:

– Да, мой король.

Луи сделал вид, что не заметил некоторой неуверенности в голосе старого герцога.

– Передайте графу Унгери: если у него ничего срочного, я жду его в любое удобное время в течение дня. Займитесь лорд-казначеем, не откладывая.

– Разумеется, мой король. – Первый министр поклонился и вышел так же стремительно, как и вошел.

Капитана королевской гвардии и дворцового управителя король отпустил быстро, благо к первому претензий не было, а брать в оборот второго пока что не имело смысла. Не пойман – не вор, а поймать прохиндея-управителя оказалось не так-то просто. Ничего, зло думал король, выслушивая насквозь лживый доклад, прижмем лорд-казначея, а там и тобой займемся. Это если вы не с ним на пару тухлые делишки обтяпываете, а то ведь он и сдаст.

Проводил управителя тяжелым взглядом, сцепил руки в замок. Поймал укоризненный вздох отца Ипполита и поспешно, пока аббат не затеял нравоучений, сказал:

– Отец Ипполит, я хочу с вами посоветоваться.

– Слушаю, сын мой. – Приятно удивленный аббат подался вперед, съехав при этом на самый край кресла.

– Вы наверняка знаете, отец Ипполит: насколько сильна Церковь на островах кнеза Хальва? Возможно, правильным будет, если с графом Агри поедет кто-нибудь из святых отцов?

Аббат нахмурился:

– Дела Церкви, сын мой, касаются только Церкви.

– Я понимаю, отец Ипполит. И, поверьте, никоим образом не хочу указывать вам, что делать. Но если присутствие в нашем посольстве человека Господнего будет на пользу Церкви, не нужно упускать такую возможность. К тому же граф поедет с надежной охраной.

– Как раз охрана, – наставительно перебил аббат, – значения не имеет. Господь ведет нас и охраняет, и все мы в воле Его. Однако я понял, сын мой, что ты хотел мне сказать. Я полагаю, уместно будет созвать Малый Капитул Таргалы и обсудить этот вопрос. К вечеру, мой король, я сообщу о решении Церкви, а сейчас, если нет у вас более вопросов…

– Срочных – нет. Я жду вас вечером, отец Ипполит.

– Мне понадобится несколько гонцов.

– Возьмите Готфри и его приятелей, все равно бездельничают. Кстати о Готфри, что-то долго нет лорд-адмирала.

– Ты слишком нетерпелив, сын мой. – Аббат поднялся, шагнул к двери, но остановился и добавил: – И слишком упорно меряешь всех по себе.

– Так что в этом плохого?

– Ты молод, сын мой, и горяч. Старики не так легки на подъем. Будь снисходителен к возрасту, сын мой.

– Попробую. – Луи вздохнул. Его тянуло сказать, что тот же герцог Эймери никогда не просит скидок на возраст и, пожалуй, обиделся бы, вздумай король напомнить ему о его годах. А ведь первому министру далеко за пятьдесят.

Отец Ипполит осенил короля благословением и вышел. Луи хмыкнул, откинулся на спинку кресла и задумался. Впрочем, ненадолго: через несколько минут в кабинет вломился Готфри:

– Мой король, пришли сэр Джонатан и лорд-адмирал. Кого впускать?

– Обоих. Кстати, разве тебя не забрал отец Ипполит?

– Он взял Херби, Ожье и Ника. А мне велел передать сэру Джонатану, чтобы он после вас зашел к нему.

Вот как… Значит, господина аббата интересуют подробности разговора? Похоже, он обеспокоен охраной посольства больше, чем хотел показать своему королю. Ах, отец Ипполит, отец Ипполит…

– Передал?

– Конечно! – Чересчур исполнительный паж вроде как даже обиделся. Как жаль, подумал король, что у меня нет второго Бони!

– Ладно, проси господ военных сюда. И, если придет граф Унгери, впусти сразу же.

Готфри распахнул дверь, пафосно возгласил:

– Входите, господа, король ждет вас.

Луи поднялся.

Лорд-адмирал, маленький, кругленький, поразительно подвижный для своих пятидесяти двух лет, полутора десятка боевых ранений и застарелого ревматизма, вошел первым. Поклонился:

– Приветствую, ваше величество! Уж не грозит ли нам война, что вы вдруг вспомнили о старом морском волке? С мелочью вроде пиратов и браконьеров наш молодняк управляется и без меня, а я, признаться, изрядно заржавел на берегу.

Сэр Джонатан молча отдал честь, остановился у дверей.

– Граф Орби, сэр Джонатан, рад вас видеть. Прошу, садитесь. Вы напрасно мечтаете о войне, граф, ведь тогда вы станете на берегу еще нужнее. Придется не только учить молодых, но и согласовывать действия трех наших флотов, а кто справится с этим лучше вас?

– Эх, ваше величество, – адмирал покачал головой. – Сразу видно, что вы никогда не болели морем.

– Только морской болезнью, – согласился король. – А еще я ром не люблю, так что моряком мне категорически не быть.

Старик ухмыльнулся: рома король не то чтобы не любил, а просто слишком много употребил в самый первый раз. Как, впрочем, и качки, болтанки, шквала с грозой и мертвой зыби. Лорд-адмирал тогда еще не сидел на берегу, а водил эскадру и знакомство юного принца с моряцкой жизнью наблюдал воочию. Мальчишке не повезло с первым выходом в море, и бедолага навсегда остался сухопутным зайцем.

– Однако к делу, господа, – продолжил король. – Я буду краток. Завтра утром отправляется посольство к кнезу Хальву. Вы в курсе, что там у него творится?

– Слыхал, – буркнул лорд-адмирал. – Как по мне, давно пора что-то делать с этим змеюшником. Вот помочь бы Хальвову братцу – сам-то кнез чересчур много о себе воображает! – да и потребовать взамен вассальную клятву.

Сэр Джонатан молча кивнул. Как аббат собирается развязывать ему язык, подумал король, вот бы глянуть! Прелюбопытный, должно быть, разговор получится.

– Ваша прекрасная мысль опоздала, – сообщил адмиралу Луи. Сам он, правда, считал эту мысль скорее дурацкой, чем прекрасной, но что за беда? – Рунальфу уже обещана помощь империи. Разумеется, в обмен на вассальную клятву. Так что мы, господа, будем помогать Хальву, нравится нам это или нет.

– И как далеко зайдет наша помощь? – осторожно поинтересовался адмирал.

– Официально посольство всего лишь выразит обеспокоенность ситуацией на островах и желание вникнуть в подробности происходящего. Учитывая, что граф Агри узнал об этой самой ситуации полтора часа назад от меня, я думаю, и обеспокоенность, и интерес к подробностям у него получатся вполне искренние. Истинная же задача – именно помочь Хальву. Негласно и по возможности незаметно. Граф, мне нужны два или три человека из ваших учеников. Самых толковых.

– Понимаю, ваше величество. Будут. Кстати, молодняку полезно поглядеть, как воюют в шхерах и проливах. Да… а что, ваше величество, троих точно хватит? Я бы пятерых дал, пусть учатся ребята.

– Хорошо, граф, – улыбнулся король, – давайте пятерых.

– Эх, – вздохнул лорд-адмирал, – я бы и сам поехал. Да не сверкайте глазами, ваше величество, понимаю. Поставили старика на якорь…

– Сэр Джонатан, я прошу вас возглавить охрану посольства. Вы бывали на островах, знаете северную речь и обычаи; у меня есть еще несколько человек, способных более-менее толково объясниться с северянами, но у них нет вашего опыта. Я соберу из них десяток вам в подчинение.

– Слушаюсь, мой король, – рыцарь отвечал неторопливо и основательно. – Охрана из ваших гвардейцев, значит? Сработаемся. Когда можно будет познакомиться?

– Думаю, прямо сейчас: я дал приказ капитану отобрать подходящих.

– Тогда я готов.

– Отлично. Я благодарю вас, господа.

Король встал; рыцарь и адмирал поднялись тоже. Всех троих ждали дела.

4. Граф Готье Унгери, капитан тайной службы Таргалы

Капитан тайной службы поймал короля на выходе из трапезной.

– Ваше величество…

– А, вот и мой капитан прибыл, – обрадовался Луи, – а я уж думал… постой, или Эймери тебя не нашел?

– Почему не нашел, работаем. – Граф Унгери понизил голос: – Или ты решил, что мы преподнесем тебе казначейскую голову уже к обеду? На парадном блюде, под острым соусом?

– А как было бы хорошо, – буркнул король. – Ты обедал, кстати?

– Более-менее. Пойдем лучше в кабинет.

Король заглянул в трапезную, крикнул:

– Вина и закуски в кабинет!

Взял графа Унгери под руку:

– Пойдем, Готье. А то знаю я твое «более-менее».

В окно кабинета било солнце. Король задернул шторы, убрал со стола бумаги:

– Ну что, мой капитан, рассказывай.

– Нет, это ты рассказывай. – Готье рухнул в кресло, потянулся. – Что с графом Агри? Отправляешь болезного к людоедам?

– Не съедят.

– Правда, что ли?…

– Я думал, ты знаешь. Вся Корварена, кажется, уже в курсе.

– Мне некогда было заниматься сплетнями. – Капитан тайной службы подавил зевок. – И после обеда тоже некогда будет, так что лучше расскажи сам.

Вошел слуга с подносом.

– Ваше вели…

– На стол, – скомандовал король. – И можешь быть свободен.

Готье придвинулся к столу, отправил в рот ломтик гусиного паштета. Пробормотал:

– Ты рассказывай.

– Отправляю посольство к Хальву. Но если ты не знал, почему спросил про графа? Догадался, что куда-нибудь да ушлю?

– Бедняга составляет завещание, – с нескрываемым удовольствием сообщил Готье. – Между нами, я его понимаю.

– Зато ему будет не до писем, – усмехнулся король. – Кстати, отца Ипполита я тоже занял. Думаю, на весь день: он собрал Капитул.

Капитан тайной службы оторвался от угощения:

– По вопросу?

– Не отправить ли с моим послом своего.

– А, это ладно. Это ничего. – Граф Унгери грустно посмотрел на вино. – Нет, пить я не буду, а то засну. Кстати, ты хоть кого-нибудь дельного нашему болезному даешь?

– Лорд-адмирал выберет пятерых самых толковых из своего молодняка. Охрану отдаю сэру Джонатану. И граф кого-то там берет себе в помощь.

Граф Унгери вперил в молодого короля изучающий взгляд:

– Мне показалось, или тебе и в самом деле безразлично, чего добьется твое посольство?

– Мне достаточно того, чтобы их там увидели. А уж если они еще и глупостей каких наворотят, – король мечтательно улыбнулся, – что ж, это станет приятным сюрпризом.

– Смотри не пожалей. Это сегодня тебе нет дела до Хальва, а что будет завтра?

– Готье, ты не понял. – Луи налил себе «Полуденного солнца», посмотрел на собеседника сквозь драгоценный стеклянный бокал, полный светлого золота. – Мне *есть* дело до Хальва. И наше несчастное посольство – прямое тому доказательство. Именно так его поймут император, сам Хальв, его мятежный братец и прочие заинтересованные стороны.

– А смысл?

– Если я лезу на север, мне нет резона ссориться с югом. Мы ведь знать не знаем, что империя успела повязать Рунальфа, верно? – Луи пригубил вина, одобрительно поднял брови. – И тогда отказ от руки Элайи – не разрыв отношений, а всего лишь досадный просчет, результат медлительности почты. А обручение с Радой – не более чем дань уважения памяти матери, при жизни часто выражавшей желание видеть невесткой землячку.

– Что ж, план хорош, – хмыкнул граф Унгери. – Осталось посмотреть, как он сработает.

Открылась дверь.

– Ваше величество, – проорал дежурный паж, – к вам лорд-адмирал с офицерами!

– Зови, – вздохнул король. После дежурств Херби у него постоянно болела голова. Место мальцу не в королевской приемной, а на флоте юнгой… или как там называются мальчики на побегушках? – Проходите, господа, мы тут как раз… впрочем, предлагать морякам вино больше похоже на оскорбление, чем на любезность. Херби, пусть принесут ром.

Готье встал:

– Граф Орби, господа офицеры, рад приветствовать.

– Ваше величество, граф Унгери, – лорд-адмирал поклонился, – я счел возможным представить королю своих лучших учеников. Возможно, на севере их ждет бой, но тем ценнее возможность пополнить знания и опыт знакомством с полуночными водами. Судовождение в шхерах само по себе искусство, а тот, кто способен вести там бой, будет…

– Граф, проходите, – Луи счел уместным прервать восторги старого адмирала, тем более что его «молодняк» наверняка сыт по горло описанием пресловутых шхер и прочих северных прелестей. – Садитесь и вы, господа. Я нахожу мысль адмирала весьма дельной.

Пока адмирал представлял пятерых лейтенантов, подоспел ром. На этот раз король позволил слуге разливать.

– Первый тост ваш, адмирал.

– По обычаю, – старый моряк встал, – добрых ветров и семь футов под килем.

Выпили стоя. Король опрокинул кубок вместе со всеми, заслужив пять одобрительных взглядов и два сочувственных.

– По кругу, – скомандовал адмирал. – По старому морскому обычаю. Лейтенант Цвильский, ваша очередь.

– Пусть любимые дождутся! – Цвильский зарделся, традиционный второй тост наверняка в тему, такого красавца ждать будут, как же иначе.

За молодым северянином снова выпили по полному кубку. Очередь пошла дальше. Окосею, думал король, с истинно моряцкой лихостью опустошая очередной кубок. Окосею как пьяный боров… еще тост, еще кубок, прах его забери, осталось четыре, если свалюсь, позор на всю жизнь… четыре или три? За якоря, паруса и шпангоуты – пятый, кажется. Ну же, пей… и не забывай улыбаться, дубина!

– За удачу!

Ну что ж, давай – за удачу надо, удача нужна, ой как нужна! И в море и на суше…

– Я не моряк, так что позволю себе отклониться от традиции. – Уже Готье? Это хорошо, это значит, совсем чуть-чуть осталось продержаться. – Господа офицеры, я пью за успех вашей миссии.

За успех… да, за успех!

– Ваша очередь, мой король. – Адмирал разрумянился, глаза молодо заблестели.

Очередь? Соберись, болван! Ты король или колода с ромом?!

– Господа… – Ну, последняя… держись, прах тебя забери! – Я замыкаю круг, значит – дорожная. За добрый путь и счастливое возвращение!

Последняя… Свет Господень, а если б их тут было полтора десятка? Нет, господа, ваши морские обычаи, уж извините, не для королей, у королей ворье в казначействе, одно посольство провожать, другое встречать, а в промежутке успеть сменить холостяцкий статус на жениховский – куда уж тут ромом накачиваться!

– Адмирал, я благодарю вас. Я рад был узнать будущих капитанов флота Таргалы. – И это чистая правда, быть им капитанами, рекомендация старикана стоит десятка других. – Господа офицеры, я желаю вам победы.

Прощание получилось торжественным и даже где-то в чем-то трогательным, но лучше бы оно было покороче.

Закрылась дверь за бравыми моряками, Луи дернул на себя ящик стола. Слишком сильно. По полу рассыпались письма, доклады, доносы, любовные записочки, два или три кольца, какие-то амулеты…

– Луи, ради Света Господня, сядь и не майся. – Готье достал из кармана крохотную темную склянку. – Держи.

– Спаситель ты мой! – В дым окосевший король из последних трезвых сил выдернул притертую пробку и влил содержимое склянки в рот. Глотнул, зажал рот взмокшими ладонями.

– Ох, ну и гадость… мой капитан, а скажи-ка мне, за каким прахом ты таскаешь *это* с собой?

– Если я скажу, что на случай твоих пьянок с моряками, это не будет всей правдой. – Готье сочувственно улыбнулся: угораздило же короля первый раз в жизни напиться до похмелья именно ромом! – Видишь ли, Луи, я никогда не знаю, где, с кем и что придется пить. Кстати, как и ты, так что советую не в стол бросать эту, как ты выразился, гадость, а носить при себе.

Граф Унгери присел на корточки, начал собирать с пола бумаги. Склянка с «тверезкой» обнаружилась под креслом.

– На, положи в карман.

– Слушаюсь, мой капитан… Свет Господень, и кто только придумал эту гадость?!

– Ром или «тверезку»? – Ящик был тесен для горы бумаг, даже странно, как они все там умещались.

– Обе. – Луи закрыл глаза, медленно выдохнул. – Нет, все-таки ром. «Тверезка» – это, пожалуй, просто счастье.

Граф Унгери насмешливо покосился на короля; взгляд его упал на закатившееся под стол кольцо: крупный черный опал в окружении серебряных дубовых листьев.

– А это еще откуда?

– Что? – Король повертел в пальцах находку своего капитана. – Кажется, от Эстеллы памятка. Или от Юлианы? Да какая к Нечистому разница, что я, должен их всех помнить?

– Луи, – укоризненно вздохнул граф Унгери, – я понимаю, что даже король не может знать всего. Но посмотри на этот камень. – Готье повернул руку короля к падающему из-за шторы лучу света; в черной глубине дрогнул красноватый мерцающий отблеск, словно пламя под углями. – Черные опалы – редкость невероятная. Их добывают только в одном месте, на самом юге Диарталы. И уж поверь, на продажу к нам они не идут – своих желающих выше крыши. А уж такого размера камень достоин разве что императора. А дубовые листья… мне продолжать?

– Не надо. Нечистый бы их всех побрал, кто же мне его дал… кто?!

– Хотя бы – когда?

– Давно. Точно помню, весной он валялся между бумагами, в самой глубине… Я искал одно письмо и вот так же вывoротил ящик.

– Вспомни, Луи. Очень тебя прошу… обидно упустить такой след, пойми!

– Понимаю… – Молодой король вздохнул и безнадежно махнул рукой.

5. Князь Виталий, посланник короля Егория в Корварене

Луи потянулся, тряхнул головой: не заснуть бы! Денек выдался тяжелый, да еще и после бессонной ночи. Но теперь можно и отдохнуть. Подорожные и верительные грамоты подписаны, охрана собрана, отец Ипполит наставляет посланца Церкви – Тагральский Капитул, как и ожидал Луи, в возможность пополнить посольство на острова своим человеком вцепился клещом. Дождаться Готье здесь или пойти вздремнуть?… Капитан тайной службы обещал проверить сегодняшнюю почту графа Агри. Если письмо о посольстве империи уже пришло, придется «терять», искать «виноватых», показательно наказывать, тайно награждать… и не в том беда, что бесчестно, власть требует и худшего, но как же хлопотно!

– Ваше величество, к вам курьер князя Виталия!

Прах бы побрал этого Херби! Может, правда в юнги сплавить?…

– Зови.

Готье вошел вместе с курьером. Поймал взгляд короля, покачал головой.

Курьер, белобрысый парнишка лет шестнадцати, по-военному вытянулся, отчеканил:

– Ваше величество, великий князь Гориславский, посланник Двенадцати Земель в Таргале, приглашает вас и графа Унгери разделить с ним ужин.

Ввести, что ли, обязательную воинскую службу, как у Егория? Вон какие парни, не чета горлодеру Херби.

– Передайте господину посланнику нашу благодарность. Мы будем.

Луи с удовольствием проводил взглядом курьера, встал, потянулся. Подавил зевок.

– Наших бы пажей ему на выучку. Ну что ж, едем. И быстро, мой капитан, у Виталия ужинают рано. Херби!

– Да, мой король!

– Коня мне и графу Унгери, живо.

Паж исчез, Готье усмехнулся:

– Ты и сам бы их вышколил, если б захотел. Переоденься, Луи. Приглашение официальное, мало ли.

– Сам-то…

– Мне можно, а ты жених.

Луи помянул Нечистого и от души хлопнул дверью. Зато через каких-то десять минут перед графом Унгери стоял совсем другой человек. Ладный, подтянутый парень в парадном мундире королевской гвардии подмигнул Готье, нахлобучил на голову лиловый берет с белым пером, поправил белую перевязь.

– Ну, чего стал, идем.

– Красив, прах тебя побери.

– Точно. Через час вся Корварена будет гадать, ради какого случая король так вырядился. И что самое смешное, кто-нибудь наверняка догадается.

Коней пустили легкой рысью, и через четверть часа дворецкий князя Виталия открыл дверь гостям.

– Ваше величество Луи, господин посланник ожидает вас и графа Унгери в кабинете.

– Благодарю, – Луи кивнул. – Идемте, граф.

Виталий поднялся навстречу гостям. Он тоже оделся парадно, и это, вкупе с официальностью приема, могло означать только одно: посланник государя Двенадцати Земель готов передать его ответ государю Таргалы.

Отчего-то все рассуждения о выгоде предполагаемого брака для Егория вдруг показались Луи не стоящими выеденного яйца. Ему ли не знать, как король соседней страны любит единственную дочь! И, по правде говоря, Рада стоит любви.

– Ваше величество Луи, – Виталий торжественно поклонился, – я доложил своему королю о вашем предложении, и он поручил мне передать вам его слова. Мой король знает вас как благородного человека и был бы счастлив видеть вас мужем Радиславы и своим зятем. Однако, как любящий отец, он не считает себя вправе самочинно распоряжаться судьбой дочери. Поэтому решать будет принцесса. Мой король предлагает вам лично встретиться с его дочерью, дабы повторить Радиславе те слова, которые вы прислали ему. Он же, со своей стороны, попросит дочь уделить вам должное время и выслушать до конца.

Встретиться лично… Свет Господень, да это почти отказ! Ответ нужен до прибытия посольства императора, а до Славышти ехать…

– Ваше величество Луи, – продолжал между тем Виталий, – мой король понимает, насколько важно для вас получить ответ, каким бы он ни был, быстро. И, хотя его величество Егорий не одобряет спешки в делах подобного рода, ради вас он готов сделать исключение. Мой государь имеет счастье пригласить вас в гости теперь же и предоставляет наговор переноса. Он ждет вас, ваше величество Луи, и буде Радислава согласится стать вашей женой, обручение пред лицом Господа состоится немедленно.

Луи перевел дух. Внятного намека, практически приказа выложить Радиславе всю правду о том, почему вдруг он просит ее руки, Луи не испугался. Он в любом случае не собирался врать: Рада заслуживает правды, она поймет. Но перенос… ничем Егорий не смог бы лучше показать свое отношение к сватовству соседа.

– Князь, вы совершили чудо, – от души сказал Готье.

– Признаться, нет. – Виталий вздохнул. – Егорий не хуже вас понимает, на ком нужно жениться королю Таргалы, чтобы наши страны остались друзьями. Чудо придется совершить тебе, Луи. Если помнишь, на свое тринадцатилетие Рада заявила, что и думать не хочет о замужестве. Конечно, прошел почти год, но…

– Егорий с ней говорил?

– Нет. Это было бы давлением. Объясняйся сам, мой мальчик, так будет честней.

КОРВАРЕНСКИЙ ТРАКТ

1. Сэр Бартоломью, королевский рыцарь

Выехали на рассвете.

Ночью прошел дождь, короткий, но сильный. Небо еще хмурилось, редкие оконца яркой утренней синевы лишь подчеркивали густоту туч. Свежий запах мокрой земли и зелени взбодрил сэра Барти куда лучше горячего завтрака. Сегодня не придется глотать пыль! Но Мариана ежилась от холода и казалась такой хмурой, что Барти долго не решался с нею заговорить. Подстегивала рыцаря мысль, что еще немного, и девчонка окончательно запишет его в высокомерные гордецы – заодно с товарищами по отряду.

Себастийский тракт – впрочем, как все себастийцы, Барти привык называть его корваренским, – в этот час пустовал. И вряд ли можно было найти лучшее время для разговора. Барти подогнал Храпа, спросил:

– Это кажется мне, или ты и впрямь обижена?

Мариана ответила запальчиво:

– А ты ждал иного, сэр рыцарь?

– Признаться, да.

– Зря!

– Я ждал, – Барти словно не услышал гневного словца, – что ты остынешь за ночь хотя бы настолько, чтобы спросить, зачем тебе нужен свидетель.

– Я и сама поняла. Трудно было бы не понять!

– Ты именно что не поняла. Ты сочла это недоверием.

– А разве…

– Свет Господень, конечно нет! Такова традиция, вот и всё. Свидетель – глаза и уши, но вовсе не тех, с кем ты спорила. Он обязан, если ты погибнешь, стать защитником твоей чести. Свидетельствовать, что клятва хоть и не исполнена, но давший ее не свернул с пути, не струсил и не отступил.

Мариана искоса взглянула на рыцаря, заправила за ухо выбившуюся из косы прядку. Спросила подозрительно:

– И ты не станешь меня отговаривать?

– А ты послушаешь, если стану?

– Нет!

– Вот и я думаю, что нет. – Барти чуть заметно пожал плечами. – А раз так, зачем тратить слова?

Кажется, в этом Мариана с ним соглашалась: во всяком случае, отвечать она не спешила.

– И еще, Мариана. Я не ошибусь, сказав, что тебе не приходилось странствовать?

– Добралась же я до Себасты.

– Прости, а откуда? Ты вчера не сказала.

– Навряд ли ты слыхал о Белых Холмах, сэр Бартоломью. – Мариана откликнулась хмуро и… опасливо? Боялась, что спутник попытается вернуть ее домой? Глупо, если так.

– Не слышал. Где это? – Барти кривил душой: бывать он в Белых Холмах не бывал, но слышать приходилось. Мало, правда, но достаточно, чтобы понять, не врет ли девица, не назвала ли домом первое место, что пришло в голову.

– Если от Себасты, – неохотно объяснила Мариана, – в трех днях пути за Южной Миссией, но не на самом побережье, а вглубь, к предгорьям.

– Не там ли, – изобразил пробуждение памяти Барти, – где пару десятков лет назад нашли святой источник и поставили монастырь?

– Монастырь там давно, – дрогнувшим голосом ответила Мариана. – А о святом источнике я не слыхивала. Ты спутал, сэр рыцарь.

Все верно, подумал Барти, девчонка и впрямь оттуда. И, видно, скучает по дому. Но тогда какие псы понесли ее в рыцари?! Или прав был капитан, и девица сбежала от немилого жениха? Узнать бы, кто таков, да поговорить по-мужски.

– Странно, – вновь нарушил молчание Барти. – Почему ты не пошла в отряд Южной Миссии?

– Была причина, – Мариана выпрямилась в седле, развернула плечи – хотя, казалось бы, куда уж дальше. В голосе зазвенели слезы. – И по той же самой причине я не вернусь в те края.

– Мариана, – мягко, как ребенку, сказал Барти, – тебе и только тебе выбирать, куда мы едем. Тебе совсем не нужно ничего доказывать. Твоя клятва, твой и путь.

Мариана не ответила, и некоторое время путники ехали молча. Но Барти все-таки произнес то, что с вечера, с самого отъезда просилось на язык.

– Однако, Мариана, я рад был бы помочь тебе, чем смогу. Я все же поопытней тебя и дорогой этой ездил не одну сотню раз.

– Не держи меня за неженку, сэр рыцарь! – неожиданно зло перебила его Мариана. – Ты сам сказал – моя клятва. Мне и позаботиться о надлежащем ее исполнении.

– Но ты можешь хотя бы говорить, куда мы едем? Думаю, я получше тебя знаю эти места и мог бы…

Девица вновь не дала рыцарю довести речь до конца:

– Куда едем? А куда дорога ведет! Разве подвиги не сами находят достойных, сэр Бартоломью?

– Вот с этим я бы поспорил, – пробормотал себе под нос Барти. – А впрочем, ладно. Твой путь, тебе и решать.

Сам же подумал: не следует ждать слишком многого от первого разговора. Довольно и того, что сейчас они едут рядом, и Мариана перестала дуться.

Тучи ползли на север. Потемневшая от дождя полоса тракта стелилась под копыта, первые солнечные лучи гладили лицо, и к Барти пришло то самое настроение, с которым он любил отправляться в дорогу: не радостное и не печальное, а какое-то звонкое, немного тревожное, но в целом – бесшабашное. «Всё путём», – шептал тракт. «Всё будет», – обещал ветер. И четкий дуплет галопа соглашался: «Ну да! Ну да!»

Счастливый настрой продержался до остановки на обед. Мариана не разговаривала со спутником, похоже, таким нехитрым способом утверждая свое главенство, но впереди ждал долгий путь, и рыцарь знал – неизбежные трудности рано или поздно расставят всё по местам. Пока же лучше не спорить, не командовать – и присмотреться, умеет ли девица пользоваться свободой.

И если она будет распоряжаться волей так, как сейчас, думал Барти, мрачно глядя на трактир, выбранный Марианой для обеда, лучшее, что можно сделать с дурной девицей, – подыскать ей мужа построже. Специально, что ли, выискивала самый убогий?! Покосившийся забор, хлипкая коновязь… внутри, впрочем, оказалось чисто, и тушеной с овощами уткой, как и элем, сэр Барти остался доволен. Но, глядя, как Мариана выскребает миску из-под похлебки, как расплачивается, морща лоб и что-то прикидывая в уме, он понял выбор девушки. Где убогий вид, там не слишком высокие цены. Денег у Марианы явно и так негусто, достаточно на снаряжение посмотреть – и вряд ли она рассчитывала на долгое путешествие, открывая дверь казармы «Волков». Мы подставили ее куда круче, чем кажется на первый взгляд, зло подумал сэр Бартоломью. Конечно, она молода и с дурью в голове, но

все-таки по ней не скажешь, что с жиру бесится. Не от хорошей жизни пришла она проситься в отряд. Что-то у нее стряслось, не иначе. Надо было выспросить. Глядишь, смогли бы помочь… так нет, зацепились за наглую просьбу, довели девчонку до глупой клятвы, а ей, вон, через неделю или две поесть будет не на что!

Конечно, рыцарь ничем не показал, что оценил финансовое положение спутницы. Но положил себе добиться дружбы с Марианой как можно скорей – хотя бы ради того, чтоб гордячка позволила ему платить за еду и выбирать трактиры.

Обед привел сэра Барти в настроение более-менее благодушное, однако, глядя на хмурую спутницу, рыцарь счел за благо не затевать новых разговоров. Хочет ехать молча – пусть. Может, ей подумать надо. Может, еще и до чего дельного додумается, бывают ведь чудеса на свете.

Постоялый двор, куда свернула Мариана вечером, надежду на чудеса разрушил. Не понравился он рыцарю с первого взгляда. Прежде всего – тем, что стоял на отшибе, шагах в ста от огородившего деревеньку частокола. Конечно, такое вольное расположение можно было бы оправдать благой целью удобства постоянных гостей – если бы в таковых числились крепкие купцы, путешествующие большими караванами, или, скажем, воинские отряды; говоря короче, постояльцы шумные и не привыкшие соразмерять свой распорядок с деревенской жизнью. Но гости такого рода вряд ли остановятся без крайней нужды в настолько запущенном, неухоженном, да и попросту тесном заведении. Даже забора толкового нет: покосившийся плетень разве что курицу остановит, но уж никак не человека или волка. Задворки бурьяном поросли, разве добрый хозяин такое безобразие потерпит?! Да и гостевых комнат тут навряд ли много: второй этаж, хоть и ведет туда обычная для этих краёв наружная лесенка, явно переделан из чердака. Нет, не дотягивает заведение до пристойного постоялого двора – так, забулдыжный трактир с кроватями для случайных постояльцев. С подобного заведения честным трудом не прокормиться.

Барти остро пожалел, что, выезжая обычно из Себасты рано утром, оставлял этот странный трактир без внимания. Выходит, не так хорошо знает он путь до Корварены, как думал до сих пор! В досаде Барти даже отступил от принятого решения – хотя бы несколько дней молча соглашаться со спутницей – и сказал:

– Выбери другое место для ночлега, я тебя прошу.

Но Мариана в ответ лишь пожала плечами – и, поручив Пенку дурковатого вида конюху, решительно вошла внутрь подозрительного заведения.

Коротко помянув Нечистого, Барти повел Храпа вслед за Пенкой. Маленькая, всего на шесть денников, больше пропахшая застарелой пылью, чем лошадьми, конюшня глянулась рыцарю не больше трактира.

Конюх, мыча что-то себе под нос, неторопливо расседлывал Пенку.

– Эй, парень, – окликнул его рыцарь, – скажи, хозяина как звать?

Обернувшись, конюх ткнул себе пальцем в рот и развел руками.

– Немой? – перевел пантомиму Барт. Махнул рукой в ответ на быстрые кивки и повел Храпа в соседний денник. Доверять доброго коня невесть кому рыцарь не собирался. Сам расседлал и разнуздал, принес сена – сено, кстати, оказалось на удивление пристойным: мягкое, вкусно пахнущее, богатое люцерной и донником. Выходя, бросил конюху: – Моего не трожь, сам всё сделаю. Поем, приду. Слышал?

Парень закивал, и Барти, снова махнув рукой, пошел искать Мариану.

Общий зал, темный, пропахший горелым мясом, прогорклым жиром и перекисшей бражкой, оказался больше, чем можно было предположить снаружи, и, вопреки ожиданиям рыцаря, не пустовал. Вернее, не совсем пустовал. Кроме Марианы, занявшей ближний к выходу стол, здесь наливались элем трое деревенских сопляков, явно сбежавших от отцовского надзора. Этим на руку, что на отшибе, усмехнулся Барти. Верней, это им сейчас

кажется, что на руку. Отцы, небось, тоже не дураки. А вот в дальнем от входа – и ближнем к кухонной двери – сумрачном и чадном углу расположилась куда более загадочная компания. Сам Барти сел бы за тот стол лишь при крайней необходимости, поэтому вроде бы мирно ужинающих мужиков он оглядел весьма внимательно. Но, кроме того, что их там пятеро здоровых лбов и у ближнего на поясе открыто висит широкий охотничий нож, ничего разглядеть не удалось. Зато осталось ощущение, что ему ответили полной взаимностью, промерив острыми взглядами от и до, прикинув толщину кошелька и длину шпаги, а заодно оценив красоту спутницы.

Руки коротки, зло усмехнулся Барти. Поищите добычи в другом месте.

Мариана с отвращением на лице прихлебывала суп. Взглянув исподлобья на подсевшего к ней рыцаря, сморщила носик:

– Возьмите что-нибудь другое, сэр Барти, мой вам совет. Хотя сомневаюсь, что оно окажется хоть малость приличнее этой бурды.

– Нам лучше уйти отсюда, – почти не разжимая губ, сказал Барти. – И поскорее.

– Это еще почему?

– Не внушает доверия. Ни сам трактир, ни посетители.

Мариана подняла голову от наполовину опустевшей миски, насмешливо прищурилась:

– Это, наверное, от голода.

– Поверь моему чутью, Мариана…

– Закажите себе ужин, благородный сэр Бартоломью, и не лезьте в мои дела, – едко отозвалась девица.

Рыцарь ограничился неодобрительным взглядом. Какого пса девица собиралась делать в рыцарском отряде, когда она не умеет даже видеть, что происходит вокруг?!

Тем временем подбежал хозяин заведения, просипел, согнувшись в кривобоком поклоне:

– Чего угодно доброму господину?

Барти одним взглядом охватил быстрые глаза трактирщика, нитку старого шрама, превращающего угодливую улыбку в кривую, как дорожка разбойника, ухмылку, поджарую, не отягощенную брюшком фигуру. Коротко ответил:

– Ничего.

– То есть…

– То есть совсем ничего, – в голосе рыцаря звякнуло отчетливое «проваливай, покуда цел», рука, словно невзначай, погладила рукоять шпаги, но трактирщик нагло притворился глухим и слепым.

– У нас так не принято, добрый господин. Уж коли зашли…

Мариана подняла глаза от миски с недоеденным супом:

– Может, мне…

– Не стоит, – оборвал глупую девицу Барти. – Ступайте, любезнейший.

На сей раз трактирщик внял весьма откровенно прозвучавшему предупреждению. Барти краем глаза следил, как он шмыгнул за стойку, поднес кувшин компании в темном углу, потоптался рядом – видимо, оставлять посетителей на произвол судьбы не входило в число его привычек. Тем временем Мариана доела и спросила:

– Почему вы не спросили себе комнату, сэр Бартоломью?

«Уж не собрался ли ты ночевать со мной?» – перевел Барти. И ответил, дивясь неуместной подозрительности слепой на реальную опасность девицы:

– Я устроюсь поближе к коням. Так что, если случится ночью какая неприятность, прорывайся к конюшне.

Мариана приподняла бровь:

– Чего вы боитесь, благородный сэр?

– Но я провожу тебя до твоей комнаты. – Барт сделал вид, что не слышал вопроса. – Гляну, где тебя искать в случае чего… И не спорь, я тебя прошу. Достаточно того, что мы здесь остаемся.

Девица пожала плечами; Барти подумал, что только воспитание помешало ей покрутить пальцем у виска или постучать себя по лбу. Но взгляд ее показался рыцарю даже красноречивей неподобающих благородной девушке вульгарных жестов.

Отведенная Мариане комната располагалась в тупичке за общим залом: узкий коридор, четыре двери. Явно не лучшие апартаменты. Мутное, засиженное мухами оконце смотрело на свиной загон: круглая спина откормленной хрюшки сквозь него казалась грязным весенним сугробом. Барти щелкнул пальцем по хлипкой двери, попробовал открыть окно – безуспешно. Выцедил:

– Ловушка.

– Право же, сэр Бартоломью, вы ведете себя странно. – Мариана подняла брови в деланном изумлении.

– Всегда имей запасной выход. – Барти достал узкий засапожный нож и принялся отгибать заколоченные в раму толстые гвозди. – Так, один есть. – Кривой гвоздь полетел на пол и завалился в щель между досками.

– Я полагаю, это годится для воров и разбойников! – Мариана швырнула котомку на кровать и уставилась в спину рыцарю злым взглядом.

– Тем, кто не хочет стать их беспомощной жертвой, тоже не помешает, – пробормотал Барти, расшатывая следующий гвоздь. Отогнул, оставил торчать в раме. – Нет, зацепиться можешь, если лезть придется. – Поднатужился, выдернул. Третий вывалился почти сразу, и Барти удовлетворенно хмыкнул.

– Запомни, – прошипела Мариана, – я не беспомощна. Я – не – беспомощна!

– Теперь – нет. – Выдернув последний гвоздь, рыцарь подхватил выпавшую прямо ему в руки раму, прислонил к стене. В комнату ворвался насыщенный ароматом свежего навоза ветер, Мариана поперхнулась и закашлялась.

– Так-то лучше, – кивнул рыцарь. – Конюшня, если бежать отсюда, направо за углом. Только, – Барти высунулся из окна, оглядел стайку бурых поросят, роющих земляную грушу вдоль заборчика, – не споткнись ненароком.

– Я не привыкла бегать, благородный сэр!

– Верю, – примирительно сказал Барти. Прошел вдоль стен, заглянул под кровать. – Что ж, спокойной ночи, Мариана.

Выходя, услышал ставшее уже привычным презрительное фырканье. Осторожно закрыл за собой дверь, оглянулся: коридор пуст, – наскоро повязал на ручку заговоренную сигнальным наговором суровую нитку. Усмехнулся в усы: если им повезет и ночь пройдет спокойно, девчонка вволю на нем отыграется.

Проходя через зал, бросил взгляд в темный угол. Насторожившая его компания вела себя тихо, что никак не уменьшило подозрений рыцаря. Словно ненароком, попался навстречу хозяин:

– Господину точно ничего не угодно?

– Точно, – кивнул Барти. Добавил, выудив из кошеля пару медяков: – Я не заплатил за сено для коня, возьми.

– Здесь нет за работу конюха, – мрачно буркнул трактирщик.

– Конюх к моему коню не прикоснется, – отрезал рыцарь. – А посмеет, я сам ему заплачу. – И погладил эфес шпаги. Хозяин торопливо поклонился, Барти отстранил его и вышел на улицу.

После вонючего трактира вечерний воздух показался сладким. Барти неторопливо обошел двор, приглядывая, откуда может подобраться опасность и куда разумнее отступать.

Заглянул в конюшню; Храп неторопливо дергал сено. Поилка была пуста: видно, конюх принял Бартово «не трожь» как разрешение вообще не обращать внимания на гнедого. Рыцарь отыскал ведро, принес воды. Проверил на всякий случай Пенку. Напоил и ее, положив при случае объяснить легкомысленной девице, как важно в дороге заботиться о коне.

Взял мешки и отправился на сеновал: ужинать.

Устроился с самого края навеса: отсюда прекрасно просматривались заросшая бурьяном задняя часть двора, покосившийся плетень и тропка, ведущая в лес. Достал завернутую в тряпицу лепешку, несколько ломтиков копченого мяса. Скупо запил вином. Наедаться не следовало: иначе усталость могла взять верх. И так тянуло рухнуть в мягкое сено, закрыть глаза – и пусть самоуверенная девица выпутывается, как умеет, если вдруг среди ночи грабить придут.

Плащ лег на сено – лучшая постель из возможных в дороге. Вздохнув, Барти вытащил сверток с амулетами. Дома разобраться времени не хватило, в трактире Джекоба тоже было не до них, но теперь уж тянуть нельзя. Так, ну и что у нас с собою имеется?

Опытным людям известно: чем меньше всякоразной магии на себе таскаешь, тем лучше она работает. Кроме «зова другу», Барти носил, не снимая, лишь один амулет – на защиту от чужих чар. Сейчас рыцарь прибавил к нему «глаз совы» и «большое ухо» – привычный набор для ночного караула.

«Дымчатую кошку» Барт осторожно переложил в потайной карман. Остальное богатство, перебрав и прикинув, что может понадобиться достаточно скоро, а что, если повезет, не пригодится вовсе, – завернул, как было, в заговоренный полотняный лоскут и уложил обратно в мешок.

Теперь оставалось только ждать.

«Сигналка» сработала часа через два после полуночи. Барти подхватился с сена, после мига колебания: зайти разбойникам в тыл или встретить их в комнате вместе с Марианой? – выбрал комнату, но добежать до окна не успел. Усиленный «большим ухом» слух уловил недовольный шепот: «Прочь, быстро! Тут наговор! – Какой? – Хочешь проверить, умник? Валяй, только мы сначала отгребем подальше! – Да ладно, я ничего…»

Тихое дыхание Марианы перебил поспешный шорох шагов, Барти подобрался к углу, проводил взглядом пятерых уходящих к лесу молодцов. Отметил: хорошо, нам завтра в другую сторону.

Остаток ночи прошел спокойно.

Когда над лесом разгорелся рассвет, Барти усмехнулся, покачав головой. Вернул в сумку караульные амулеты, отряхнул плащ от налипших сухих травинок, потянулся и пошел умываться. Если придется караулить еще одну ночь… А впрочем, придется так придется. В первый раз, что ли?

2. Утренняя разминка

– Как спалось, достославный сэр? – насмешливо поинтересовалась Мариана, столкнувшись с рыцарем у колодца. – Что-то я не вижу трупов. Неужто мерзавцы посмели притвориться добронравными поселянами и всю ночь мирно спали по домам? Какое, должно быть, разочарование. На вашем месте, достойный сэр, я примерно наказала бы негодяев.

Барти отвечать не стал. Вышел уже из того возраста, когда победа в любом споре кажется непременным условием незапятнанной чести. Обошлось – и ладно. А могло ведь и не обойтись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.